

МОСКОВСКОЙ
ЖУРНАЛЪ.

Часть V.

Книжка впоряя.

ФЕВРАЛЬ 1792.

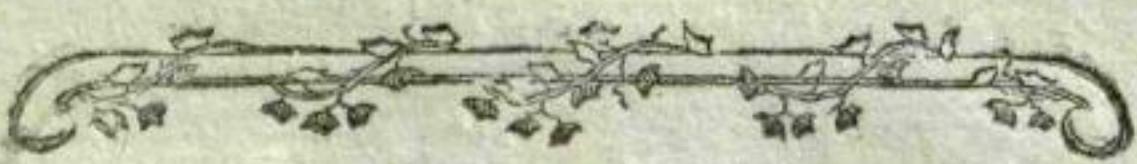

МОСКВА,
изъ Университетской Типографіи,
у В. Окорокова.

СОДЕРЖАНИЕ.

	Страни.
I. Пѣснь мира	153.
II. Медная жена	157.
III. Прощаніе	167.
IV. Пчела	168
V. Молитва сына, разлученного съ Матерью	169.
VI. Пѣсни на кончину Князя По- темкина - Таврическаго	170.
VII. Къ честному человѣку	175.
VIII. Опѣшь Славѣ	177.
IX. Вечера	178.
X. Испоря Ле-Февра	203
XI. Жизнь и дѣла Іосифа Баль- замо	234.
XII. Ночь	271.
XIII. О суждѣніи книгъ	277.
XIV. Опѣ Издашеля —	291.

1594
1594

МОСКОВСКОЙ ЖУРНАЛЪ.

Часть пятая. Книжка вторая.
Мѣсяцъ Февраль.

I.

ПѢСНЬ МИРА.

Миръ блаженный, чадо Неба,
Къ намъ съ оливою лепишъ,
И вѣнецъ свѣплѣе Феба
На главъ его блеспитъ.
Онъ въ дыханїи эсфира
Ниспускается въ нашъ край,
И отъ горнихъ странъ эоира
Въ шьму низноситъ свѣплый рай.

Хоръ.

Бури, громы умолкаютъ;
Гути терны истезаютъ;
Истезаетъ, какъ призракъ,
Ужасъ блѣдный, дымъ и мракъ.

К

Все

рег. 3404

Все въ Природѣ оживаетъ;
Свѣтъ проникъ въ густую тѣнь;
Пышно роза расцвѣтаетъ,
Какъ весною въ красный день;
Лугъ какъ бархатъ зеленѣетъ,
Клѣсъ сребрился вдалекъ,
Плодъ златый на древѣ зрѣетъ,
Бальзамъ вѣетъ въ вѣтеркѣ.

Хорѣ.

*Миллионы веселитесь,
Миллионы обнимитесь,
Какъ обземлетъ брата братъ!
Побывайте всѣ стократъ!*

Птички снова прилетаютъ
Въ наши рощи и лѣса;
Снова въ пѣсняхъ прославляютъ
Миръ, свободу, Небеса.
Агнецъ шигра не боится,
И гуляетъ съ нимъ въ лугахъ;
Все твореніе дружится,
На земль и на водахъ.

Хорѣ.

Х о р ь.

Миллионы да ликуютъ,

Миллионы торжествуютъ!

Веселился вся земля!

Съ цѣлымъ міромъ мы друзья!

Въ рощахъ слышны звуки лиры;

На брегахъ кристальныхъ водъ

Нимфы, Фауны, Сапиры

Составляютъ хороводъ.

И Силенъ, пѣвецъ пріятной,

Громкимъ голосомъ поетъ;

Скачетъ, пляшетъ съ рѣзвой Дафной,

И къ веселью всѣхъ зоветъ.

Х о р ь.

Пойте, пойте духа радость!

Лейте, лейте въ сердце сладость!

Веселился вся земля!

Съ цѣлымъ міромъ мы друзья!

Музы, Грации съ вѣнками

Окружаютъ, Миръ, тебя;

Снѣгобѣльными руками

Цѣпь лилейную сплетя,

Ею нѣжно обвиваюшъ
Крылья легкія твои,
И въ воспоргѣ восклицаюшъ:
„Вѣчно съ нами, Миръ, живи!“

Хоръ.

Вѣчно съ нами, Миръ прелестной,
Вѣчно съ нами, сынъ небесной,
Вѣчно съ нами обитай,
И блаженствомъ насъ питай!

Полно намъ губишь другъ друга,
Сирымъ слезы проливашь!
И печальная супруга
Да престанетъ горевашь!
Долго смерпные не знали,
Что блаженство есть любовь;
Шастья въ хищности искали,
И лилась рѣками кровь.

Хоръ.

Смертный нынѣ просвѣтился,
И къ любови обратился.
Веселился вся земля!
Съ цѣлымъ міромъ мы друзья!

Цѣль составьте, миллионы!
Дѣти одного отца!
Вамъ даны одни законы,
Вамъ даны одни сердца!
Братски, нѣжно обнимитесь,
И клянитесь — любить!
Чувствомъ, мыслю клянитесь:
Вѣчно, вѣчно въ мирѣ жить!

Хоръ.

Мы клянемся есъ сердечно,
Въ мирѣ съ братьями жить егъено!
Отче! слышишь клятву тадѣ!
Мы твердимъ ее стократъ.

II.

МОДНАЯ ЖЕНА:

Сказка.

Колико я въ мой вѣкъ бумаги исписалъ!
Той пѣсию, той сонетъ, той лъстивый мадригалъ!
А вы, о нѣжные мужья подъ сѣдиною!
Ни спрочкой не были подопчиваи-
мною.

Проспите въ томъ меня; я молодъ, въпр-
ренъ былъ;
Такъ диво ли, что васъ забылъ?
А нынъ вяну самъ; на лбу моемъ мор-
щины
Велятъ уже и мнѣ
Подобной вашей ждать судьбины,
И о Циперской споронѣ
Лишь въ сказкахъ вспоминашь. А были,
небылицы,
Я знаю, спаричкамъ разглаживаютъ
лицы:
Такъ слушайше жь меня! Я сказку вамъ
Про модную жену. начну
Пролазѣ въ теченіи полвѣка
Все ползъ, да ползъ, да билъ челомъ;
И наконецъ такимъ невиннымъ реме-
сломъ
Доползъ до степени извѣстна человѣка;
То есть, *сталъ сѣмнадцать* . . . Я го-
ворю вѣдь такъ,
Какъ говорится въ свѣтѣ . . .
То есть, спалъ ъздить онъ шеспер-
кою въ каретѣ.
По томъ вступилъ онъ въ бракъ

Съ пригожей дѣвушкой , копора жить,
Была умна , ловка , умѣла ,
И словомъ , спарика
Вершѣла ,
Какъ хопѣла ;
А спарикамъ такои законъ ,
Что естыли кто изъ нихъ вскружитъ
себя вершушкой ,
То не она уже , а онъ
Быть долженъ наконецъ игрушкой —
Хоть радъ , хотя нерадъ ,
Но поступашъ съ женою владъ ,
И рубль подъ часъ счишать полушкой .
Пролазъ хоть и пролазъ , но мужъ
какъ и другой ;
И такъ же , какъ и всѣ , цѣною дорогой
Платилъ женъ за нѣжны ласки ;
Узналъ и онъ , что блонды , каски ;
Что крепъ , лино-баписъ , тамбурна
кисея . —
Однажды бывъ жена . . . вотъ шутъ
бѣда моя !
Какъ лучше бѣ изѣяснишь , не приберу
я слова . . .
Не такъ чтобы больна , не такъ что-
бы здорова ,

А шакъ . . . ни то ни сю . . . какъ
будто не свой . . .

Умильно говоримъ супругу: „Жизнь моя!
Мнѣ нада къ празднику обнова:
Пожалуй у Мадамъ *Бобри* купи пюрбанъ.
Да слушай, душенъка: мнѣ хочется
Для моего камина. (экранъ)

А отъ нее вѣдь при шага
До Аглицкого магазина.

Да кабы шамъ еще . . . ахъ! нѣпъ,
лихъ дорога!

А ужеспѣ какъ мила!, — Да что,
мой свѣтъ, такое? —
„Нѣпъ, папинъка, шакъ, шакъ, пу-
шое;

По честпи, мнѣ самой твоихъ расхо-
довъ жаль., —

Да что? скажи, откройся смѣло;
Расходы знать мое, а не твое ужъ
дѣло. —

„Меня — спыжусь — плѣнила шаль.
Послушай, Ангелъ мой: она шакая
точно,
Какую, помнишь ты, выписывалъ нарочно
Князь для Княгини, какъ у Князя праз-
дникъ былъ?,,

Съ

,,А я одна.,,— Одни? шѣмъ лучше;
да гдѣ жь онъ? —

,,Кто? мужъ?, — Вашъ нѣжный Купи-
донъ? —

,,Какой, по чеспи, ты ругатель!, —
По крайней мѣрѣ вашъ я нѣжный обо-
жатель.

Однако эшо вѣдь не ложь,
Что мужъ вашъ на него хоть капель-
кой похожъ —

То есть, онъ такъ же спаръ, хотя
не такъ прекрасенъ. —

,,Нѣтъ, я вамъ докажу,, — —. О!
этотъ трудъ напрасенъ!

Безъ шутокъ, слушайше: тошь слѣпъ,
а этотъ кривъ:

Не сходны лижь они? — ,,Ахъ! какъ
ты злорѣчивъ!,, —

Вамъ не пріятно . . . переспану.
Но покажите мнѣ дивану;

Вѣдь я еще ее вѣ отдѣлкѣ не видалъ.
Ужь вѣрно эшо храмъ, храмъ вкуса!

— ,,Опгадалъ,, —
Конечно и любви? — ,,Увы! еще не знаю.
Угодно поглядѣшь?,, — Весьма, весьма

желаю . . .

О

О бѣдный мужъ ! спѣши , иль послѣ не
пужи ,
И впредь къ дивану ключь въ карманъ
ты держи.

Диванъ для городской воспрушки ,
Когда на немъ она самъ - другъ ,
Опасиѣ , чѣмъ для пастушки
Средь рощицы зеленой лугъ .
И эша выдумка дивановъ
Ни что , какъ месить намъ отъ Сул-
тановъ .

Но какъ ни разсуждай , а *Миловзорѣ*
ужъ шамъ
Разсматриваешьъ все , любуется , ди-
вится ;
Амуръ же , прикорнувъ на споликъ къ
часамъ ,
Приспавилъ къ спрѣлкѣ перстъ , и
спрѣлка не вертился ,
Чтобъ двумъ любовникамъ часовъ до-
садный бой
Не вспоминалъ того , что скоро воз-
Вулканъ домой . (вратился
А онъ какъ *вѣ руку сонѣ* . . . Судьбы
шаго хопѣли !
На тяжкихъ вережъ воропы заскрыпѣли ,
Бичъ

Бичъ хлопнулъ, и супругъ съ торже-
ственнымъ лицомъ
На усталыхъ коняхъ явился предъ
крыльцомъ.
Ужъ онъ на лѣсницѣ; паша въ рукахъ
покупку,
Торопится свою обрадовать голубку;
Ужъ онъ и въ комнатахъ, а вѣрная жена
Сидитъ, не думая объ немъ, и не
одна!
Но вы, красавицы, одной съ *Перми-*
лой маспи!
Не охайте объ ней, и не смущайте
духъ!
Ея Пенаты съ ней: такъ ей ли
ждать напаспи?
Фиделька нѣжная, ея вѣрнѣйшій другъ,
Которая лежала,
Свернувшись клубкомъ,
На солнышкѣ передъ окномъ,
Вдругъ вспрепенулась, вскочила, по-
бѣжала
Прямюхонько къ дверямъ, и какъ раз-
умный звѣрь,
Приставила ушко — по томъ полкъ
лапой въ дверь —
Ушла,

Ушла, и возвращилась съ лаемъ.
Тогда жь другой Пенашъ, зовомый по-
пугаемъ,
Три раза вѣстовой изъ клѣшки подалъ
знакъ,
Вскричавши: *кто пришелъ? дуракъ!* —
Премила вздрогнула, и *Миловзорѣ*
подобно;
И топъ, и та — о время злобно!
О непредвидѣнна бѣда! —
Бросаясь туда, сюда,
Рѣшились, такъ чтобъ ей осѣтиться,
А госпю спрятаться хотя позадъ
дверей.
О женщины! могу признаться,
Что вы нась всотеро хитрѣй!
Кто могъ бы отгадать, чѣмъ кончи-
лась превога?
Мужъ въ двери выставя расдвѣшіе
два рога,
Вошелъ въ диванную, и видишъ, что
жена
Въ полглаза на него глядитъ сквозь
тонка сна.
Онъ ближе къ ней — она проснулась,
Зѣвнула, попянулась;

По шомъ,
Простерши къ мужу руки,
,, Какимъ же , говоришъ ему , я крѣп-
кимъ сномъ
Заснула безъ тебя отъ скуки !
И знаешь ли , что мнѣ
Пригрѣзилось во снѣ ?
Ахъ ! я еще теперь въ восторгѣ утопаю !
Послушай , миленькой : лишь только
засыпаю ,
Вдругъ вижу , будто ты ужъ болѣе не
кривъ .
Ну , еспѣли этотъ сонъ не лживъ ?
Позволь мнѣ испытать , . . . И вмигъ ,
не давъ супругу
Притти въ себя , одной рукой
Закрыла глазъему — здоровый , некривой ;
Другою же на дверь указывая другу ,
Пролазу говоритъ : „ что , видиши ли ,
мой свѣтъ ? ”
Мужъ отвѣчаетъ : *нѣтъ* . —
„ Ни крошечки ? ” , — Ни мало .
Такъ темно , какъ теперь , еще и не
бывало . —
Ты шушишь ? ” , — Право , нѣтъ ; да
дай ты мнѣ взглянуть . —

О сонъ, прелестный сонъ! жена вскри-
чала:
Почто ты мнъ польстилъ, чтобъ по-
слѣ обмануть!
Любезнѣйшій супругъ! ахъ! какъ бы я
желала,
Чтобы одинъ твой глазъ
Похожъ былъ на другой! . . . *Пролазъ*
При нѣжности такой не могъ споясть
болваномъ;
Онъ самъ разнѣжился, и въ радоспи
души
За ласку увѣнчалъ жену свою пюр-
баномъ. —
Пролазъ! ты этотъ день во свяще-
цахъ запиши.
Примѣръ согласія! жена и мужъ съ об-
новой!
Но что записывать? примѣръ такой не
новой.

И.

III.

ПРОЩАНІЕ.

Неизбѣжнымъ уже рокомъ
Разспаешься ты со мной.

Во

Во спенанїи жестокомъ
Я прощаюся съ тобой.
Обливаясь слезами ,
Грусти не могу снесши ;
Не могу сказать словами —
Сердцемъ говорю : *прости !*
Руки , грудь , уста и очи
Я цѣлую у тебя.
Изъ обѣяпій нѣтъ мнѣ мочи
Раздѣлить съ тобой себя.
Лобызаю , обмираю ,
Тебѣ душу отдаю ,
Иль изъ устъ твоихъ желаю
Себѣ душу взять свою.

(Изъ Петербурга отъ неизвѣстной
Особы.)

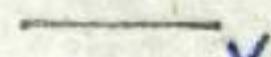

IV.

П Ч Е Л А.

Пчела въ саду лепала
Съ листочка на листокъ ,
И медъ съ цвѣтковъ собирала ,
Пія изъ нихъ некшарный сокъ.
Садовница ее застала ,
И съ лаской ей сказала :
,, Изъ всѣхъ цвѣтковъ ты сосешь ;
Въ

ВЪ иныхъ єсть ядъ , и ты умрешъ.,,
Я медъ въ себя впиваю —
Сказала пчелка ей въ ошвѣшъ —
А ядъ въ цвѣткахъ оставляю.
Для пчелки яду нѣшъ !

IV.

МОЛИТВА СЫНА , РАЗЛУЧЕННАГО
СЪ МАТЕРЬЮ.

Боже , маменьку помилуй !
Боже , маменьку храни !
Ты сердечное моленье
Любишь , Боже , исполняй ,
И свое благословенъе
На любовь ниспосылать :
Я молю Тебя сердечно ,
И люблю ее сердечно ,
Болѣе всего люблю !

ВЪ часъ , когда она о сынѣ ,
Удаленномъ отъ нее ,
Размышляя , въ грусти плачетъ ,
Ахъ ! ушѣшь , ушѣшь ее ,
Опче , чадъ своихъ любящій ,
Мой отецъ , ея отецъ !
Ахъ ! представь ей часъ свиданья ;
Часъ восторга , лобызанья ,

Л

Слезъ

Слезъ сладчайшихъ, слезъ любви!

Да въ минуту сей оправды
Ангелъ нощи въ пишинѣ
Осѣнишъ ее крылами
Амбrozическаго сна!

— VI —
V.

ПѢСНЬ

На контигу Князя Потемкина - Гав-
рилескаго.

Унылъ внезапу лавръ зеленый,
Унылъ, и долу преклоненъ! —
Воспани свыше вдохновенный,
Воспани Бардъ, сынъ всѣхъ временъ!
Бери обвиву крепомъ лиру!
Гласи, гласи на оной міру
Печаль чувствищельныхъ сердецъ,
Стонъ воиновъ непобѣдимыхъ,
Въ слезахъ днесъ на трофеяхъ зримыхъ;
Гласи Потемкина конецъ!

* * *

Потемкина! . . . О тратла слезна!
Дѣлами, духомъ исполинъ,
Сей щитъ отечества любезна
Блисталъ, гремѣлъ и — палъ какъ кринъ;
Какъ

Какъ цвѣтъ, оставленный зефиromъ!..
Вопще, обрадованный миромъ,
Пѣвецъ! гоповилъ ты вѣнки,
Чтобъ въ жершу ихъ принесъ Герою!
Ахъ! брось ихъ окропя слезою,
И зрѣши прахъ его шеки!

* * *

Какую жалостну карпину
Печальный Геній мнѣ открылъ!
Безмолвну вижу я долину;
Не слышно помаванья крылъ
Ни здѣсь, ни тамъ любимца Флоры;
Все томно, что ни встрѣтятъ взоры;
Поникнулъ злакъ, ручей молчишъ, —
И потъ, кого весь югъ страшился,
Увы! проспертъ на дернѣ зрился,
Простертъ, главу склоня на щипъ!

* * *

Герой геройски умираетъ
Въ виду попранныхъ имъ градовъ;
Послѣдній вздохъ свой испускаетъ
Средь ратниковъ, своихъ сыновъ.
Почилъ — и вопль вокругъ раздался,
И шумный гласъ молвы помчался
Вливать въ сердца печаль и страхъ. —

Синиль, Бендеры изумленны,
Теросвъ слыша вопль плачевный
Въ поверженныхъ опъ нихъ спѣнахъ.

* * *

Очаковъ, гордый и подъ прахомъ,
Чудиша и сомнѣнья полнъ,
Чтобъ тошъ, кто былъ дракону спра-
хомъ
Въ степяхъ, вершепахъ, среди волнъ,
Кто рану далъ ему глубоку,
Былъ общему подвластенъ року.
И Черный Понпъ, извивъ хребетъ,
Бѣжитъ, реветъ, гласитъ Селиму,
Обѣяну лумой, перѣшиму:
Воспрянъ! уже Перуна нѣть! . .

* * *

Но чьи тамъ слышу шомны лиры?
Съ Днепровыхъ, злачныхъ береговъ
Чей сладкій гласъ несушъ зефиры? —
То гласъ не смерпныхъ, но боговъ;
То воютъ Херсонски Музы:
„Увы! распорглись наши узы,
Любезный Князь, на вѣкъ съ тобой!
Давно лъ бесѣдовалъ ты съ нами

И

И лиру испещрялъ цвѣтами,
Готовясь въ кроволицный бой?

* * *

„Давно ль Херсонъ, тобой украшень,
Цвѣтущъ при брегѣ свѣтлыхъ водъ,
Взиралъ съ своихъ высокихъ башенъ
На твой со славою приходъ?
Давно ль тебя мы съ нимъ вспрѣчали
И пушь твой лавромъ устилали?
Давно ль „ — И болѣ не могли;
Изъ рукъ цѣвицы покапились,
Главы въ колѣна ихъ склонились,
Власы упали до земли.

* * *

Гдѣ, гдѣ не плачутъ и не стопутъ
Во мзду Потемкина заслугъ?
Въ слезахъ тамъ родственники по-
нумъ;
Тамъ одолженныхъ ноетъ духъ;
Тамъ, подъ соломеннымъ покровомъ,
Сидитъ Герой въ вѣнкѣ лавровомъ
Среди родимыя семьи,
И жадно внимлющей супругъ

Разсказываешъ, какъ на югъ
Князь подвиги творилъ свои;

* * *

Какъ въ полѣ бился съ супоста-
щомъ,

Какъ во спѣнахъ его каралъ,
Какъ кончилъ жизнь — тушъ бѣлымъ
плапомъ.

Съ вздохомъ слезы утирали.

Согбенный старецъ и супруга —
Сестра, невинности подруга —
Весь домъ въ безмолвии унылъ;
Всѣ, всѣ покрылися печалью,
Кромѣ младенца, кой медалью
Себя опшевой веселилъ. . .

* * *

Что вы, о пышны Мавзолеи,
Предъ сей сердечною слезой!
Васъ получающъ и злодѣи,
Вселенны бывые грозой;
А та лишь благу посвященна. —
Слеза безцѣнна, священна!
Блаженъ щомъ, кто тебя снискалъ!

Я лирны струны опускаю
И слабый гласъ мой прерываю:
Ты леспнѣй всѣхъ моихъ похвалъ.

И.

VI.

КЪ ЧЕСТНОМУ ЧЕЛОВѢКУ.

Что слышу? О прѣятна вѣсть!
Питомецъ Аонидъ любимый,
Порока врагъ непримириимый,
Стяжалъ заслугой нову честь!
Излейте, звуки скромной лиры,
Сердечну радость вы мою!
А вы несите ихъ, зефиры,
Къ тому, котораго пою!
Уже я вижу восхищенный
Его съ надеждою въ глазахъ
Ведущаго предъ шронъ священный
Вдовицу робкую въ слезахъ,
Тѣсниму сильнаго рукою.
Тамъ дряхлый Марсъ споитъ съ клю-
кою;
Къ сынамъ его я внемлю гласъ:

Л 4

Благо-

Благодарите, чада, Бога!
Дошелъ до Царскаго чертога,
Дошелъ мой спонъ, мой плачъ за
васъ;
Отыни жребій вашъ устроенъ;
Вы сыны, — я умру спокоенъ.,
Тамъ онъ удерживаетъ мечъ,
Которымъ юность въ безднѣ бѣд-
ствій,
Недостатныхъ распоечья слѣдствій ,
Стремиця дни свои пресѣчь.
„Постой отчаянны! вѣщаетъ:
„Иль ты не знаешь Россовъ Мать?,,
И взоры скромны отвращаетъ ,
Чтобъ слезъ своихъ не показать. —
О Музы, правящія нами!
Ликуйте днесь, ликуйте вы ;
Украсьше вѣчными дѣвшами
Священные свои главы ;
Сойдите съ Пиндовой вершины ;
И предъ лицемъ ЕКАТЕРИНЫ
Воспойте должна Ей хвалу :
Коварства посрамя хулу ,
Она покъ милоснѣй сугубитъ
Къ тому, кого самъ вождь вашъ лю-
бипъ ,
И

И кто симъ богомъ предизбранъ ;
Предашь безсмертию въ пѣсняхъ лир-
ныхъ
Владычицу морей обширныхъ ,
Пяти державъ и многихъ спранъ.

И.

VII

ОТВѢТЬ СЛАВѢ.

Въ Московскому Журналѣ въ Декабрѣ
месяцѣ 1791 года напечатана над-
пись къ портрету ЕЯ ВЕЛИС-
СТВѢ, содержащая вопросъ. —
Вотъ стихи, изъ коихъ послѣдняя
строка есть другая надпись къ
тому же портрету, содержащая
ответъ на первую.

Великихъ дѣлъ Пѣвецъ чрезъ Славу
предлагаетъ
Вопросъ къ рѣшенію вѣкамъ:
Вѣщайше, Слава восклицаетъ,
Кто въ свѣтѣ первый по дѣламъ? —

Л 5

Вѣка

Вѣка опѣтствующіи нельзивыми
устами:

,, Впора я именемъ есть первая дѣ-
лами.,,

(Изъ Петербурга).

VIII. 18

ВЕЧЕРА.

Повѣсть осьмая.

Во времена рыцарства — сказа-
залъ въ свою очередь Баронъ Дризакъ
— не было такого дворянина, кото-
рой, сидя передъ каминомъ, не могъ
бы разсказать друзьямъ своимъ какого
нибудь чуднаго приключенія. Прошло
это щасливое время. Теперь уже
нѣпѣ ни гигантовъ, ни чародѣевъ,
ни турнировъ, и давно уже переста-
ли похищать Принцессы. О чёмъ же
вамъ разсказывать? Я право не знаю
— и приводя себѣ на память всѣ
приключенія моей жизни, нахожу, что
самой щасливѣйшій день былъ для
меня шопъ, въ которой, удивляясь

кар-

картинахъ нашихъ живописцовъ въ залѣ Искусствъ, получилъ я щелчокъ — — — „Какъ! неужели въ носъ?”, спросила Юлія. — Точно такъ, сударыня — и вотъ какимъ образомъ:

Въ двадцать лѣтъ отъ роду прѣѣхалъ я въ Парижъ съ тощимъ кошелькомъ и съ надеждою — получить Капитанской чинъ, на которомъ осеневались всѣ планы моего честолюбія. Тогда была у насъ война; молодые люди искали опасностей, и всякое убылое Офицерское мѣсто желали вдругъ занять десять или двадцать любищелей славы. Долго дожидался я своей очереди, и между тѣмъ кошелекъ мой болѣе и болѣе истощался. Однако жъ я всячески спарался беречь его, и вмѣсто дорогихъ забавъ искалъ только экономическихъ. Отчасти по природному вкусу, отчасти по разсчету и благоразумію, я полюбилъ художества и познакомился съ Артистами. Ихъ мастерскія были моими спекулями; я разсмотривалъ ихъ произведенія съ неприворнымъ удовольствіемъ,

смъ, которое день отъ дня увеличивалось, и которое припомъ мнъ ничего не споило. Сверхъ того между художниками находилъ я знающихъ людей, — характеры на древнюю стать (*Caractères à l'antique*) — ошкровенность, которая мнъ всегда любезна — гордость, которая мнъ не пропивна — веселость, иногда остроуміе, жаръ и живость воображения, которая приводила мнъ на память мое отечество (*).

Болѣе всѣхъ полюбился мнъ Карлъ Ванлоо, лучшій живописецъ и лучшій человѣкъ, имѣвшій ошмѣнныя дарованія и припомъ самой младенческой нравъ. Онъ примѣтилъ мою охоту, съ чувствительностью принималъ искреннія похвалы мои, когда я разсматривалъ его картины, и наконецъ сердечно полюбилъ меня. Я началъ часпо посѣщать его, и находилъ въ домѣ его щаслие и невинныхъ удовольствія. Жена его пѣла какъ соловей, а дочь по-

двѣ-

(*) Баронъ былъ рѣдомъ Нѣмецъ.

щвѣтущей красотѣ своей уподоблялась роза.

„Вы вѣнчалася вълюбленностью, — ши-
хонько сказалъ ему Дервисъ. — О, нѣмъ! я смотрѣлъ на прекрасную Карлину такъ же, какъ на лучшую кар-
тину оѣца ея, то есть, я удивлялся вѣнчанью совершенному произведе-
нию Природы — и болѣе ничего.
Рука ея была уже обѣщана, и
сердце ея отдано другому: что же
бы вышло изъ моей любви? Нѣмъ,
повѣрьте мнѣ, что любовь не прихо-
дитъ одна, и сама собою; надежда,
надежда всегда ее приводитъ. Къ то-
му же голова моя занята была Капишан-
скимъ чиномъ, и я тошчашъ уѣхалъ,
какъ скоро получилъ его.

„Доброй молодой человѣкѣ! ска-
залъ мнѣ Карлъ при нашемъ прощаніи:
ты бѣдешь подъ ружейные выстрѣлы;
и такъ я могу оказать тебѣ важную
услугу. Бажью, искуснѣйшій лекарь
въ армїи, мнѣ хороший пріятель:
вотъ тебѣ рекомендательное письмо
къ эшому человѣку. „Я принялъ его съ

великою радостию. Бажьо въ день сраженія былъ важной человѣкъ, и покровительство его казалось мнѣ очень полезнымъ. Черезъ восемь дней послѣ моего прѣѣзда получилъ я при осадѣ Лауфельда двѣ раны: одну легкую въ ногу, а другую въ правое плечо, которая споила того, чтобы искусной человѣкъ взялся лечить ее. Бажьо, котораго Ванлоо просилъ не оспавлять меня въ важныхъ случаяхъ, узналъ, что я раненъ, и помчасъ прибѣжалъ ко мнѣ.

Достойной другъ моего любезнаго Карла! сказалъ я ему: вспомни, что въ этой рукѣ держу я шпагу; пострайся мнѣ вылечить ее. — Онъ снялъ перевязку. Пуля оспалась въ плечѣ; надлежало ее вырѣзать. Я не хочу описывать вамъ ни моей боли, ни его искусства; важность состоянія въ томъ, что онъ меня вылечилъ, и что рука моя и теперь служитъ еще опіечеству и друзьямъ моимъ.

Наконецъ миръ позволилъ мнѣ возвратиться въ Парижъ и возблаго-

даришь того, котораго предусмотри-
тельности былъ я обязанъ можемъ
быть самою жизнью. Мы жили другъ
съ другомъ въ тѣсномъ дружествѣ.
Утро проводилъ я въ его мастер-
ской, а вечеръ посреди его семей-
ства, и подлѣ клавесина жены его, на
которомъ прекрасная Карлина, выучен-
ная своею матерью, часто насъ забав-
ляла.

Художники, писатели, добрые
мѣщане, друзья Карловы, стоя въ
кругѣ клавесина, извѣствали свое вос-
хищеніе. Ванлоо познакомилъ меня съ
Пакомомъ, сердечнымъ другомъ сво-
имъ, котораго сынъ съ опьяненнымъ
восторгомъ слушалъ пѣніе прекрасной
Карлины; и такимъ образомъ проходило
время наше.

Въ эпохѣ годъ зала изящныхъ
Искусствъ (*) была наполнена пре-
красными картинаами, и другъ мой
Ван-

(*) Всякой художникъ, желающій сдѣлаться
извѣстнымъ Публикѣ, приноситъ шуда
свои произведенія.

Ванлфо опличался отъ всѣхъ смѣло-
стю своей кисти и блескомъ своихъ
красокъ: ядовитая зависть тѣмъ злоб-
нѣе возспавала прошивъ славы даро-
ваній.

Говорятъ, что слава и зависть
родились въ одинъ день, одна изъ
яица орлиного, а другая изъ яица
эхиднина: я этому вѣрю, и понимаю,
что *ползающій* художникъ можетъ за-
видовать *летающему*. Но какъ можетъ
завидовать топъ, кто совсѣмъ не
есть художникъ? Иное дѣло въ ра-
зумѣ; потому что всякой имѣешь
на него большее или меньшее преоб-
раніе. Кто сочинилъ въ жизнь свою
мадригалъ или пѣсенку, топъ уже
можетъ быть врагомъ Вольтеровыемъ.
Монтескій писалъ только прозою: Г.
Журденъ также прозою пишетъ. Но
не бравшись никогда за кисть, не
принимавши съ никогда за рѣзецъ, какъ
можно оскорбиться славою живописца
или рѣщика? Дѣло состоишъ въ томъ,
что нѣкоторые люди ненавидятъ все
хорошее. Всякой успехъ ихъ огор-
чаетъ

чаетъ, всякое достоинство имъ про-
тивно; они бы рады были затмить
солнце, еспѣли бы только могли.

Изъ числа этихъ нещастныхъ былъ
нѣкто Рюдрикуръ, которой во всѣхъ
кофейныхъ домахъ и спекакляхъ про-
слылъ страшнымъ заговорщикомъ. Онъ
хотѣлъ также прослыть и бичемъ ху-
дожниковъ; и потому, съ лорнетомъ
въ рукѣ, являлся всякой день въ залѣ
Искусствъ, гордо хвалилъ презира-
емое всѣми, и унижалъ то, чему дру-
гіе наиболѣе удивлялись. Всѣмъ серд-
цемъ ненавидѣлъ онъ добролушнаго
Карла Ванлоо, самаго скромнаго чело-
вѣка и самаго чувствительнаго къ кри-
тикѣ, такъ что простой ученикъ
всегда могъ принудить его спрятать
свою картина, показавъ ему, что
онъ сю недоволенъ.

Знаешь ли, сказалъ мнѣ Карлъ,
для чего этотъ человѣкъ гонитъ ме-
ня съ такимъ бѣшенствомъ? За годъ
передъ этимъ онъ былъ въ домѣ мо-
емъ самымъ подлымъ льстецомъ, и съ
такимъ же безстыдствомъ хвалилъ

Мою

мою работу, съ какимъ теперъ оху-
ждаешь ее; но притворяясь влюблен-
нымъ въ мой шаланпъ, онъ былъ влю-
бленъ въ дочь мою, и однажды имѣлъ
дерзостъ всунуть ей въ руку любов-
ное письмо. Бѣдная невинность при-
несла его къ намъ, и спрашивала у
машери и у меня, чего хочеть отъ
нее эпомъ господинъ? Я видѣлъ, что
онъ хочеть обмануть ее; и не по-
казываясь ни мало сердишымъ, по-
просилъ я любищеля моей киспи
оставить навсегда домъ мой. За-
это онъ на меня злобился. — Напрасно спарался я доказывать моему
другу Ванлоо, что люди такого ро-
да должны быть презираемы. Ахъ,
другъ мой! отвѣчалъ онъ: ты зна-
ешь, что Рюдрикуры уморили Ле-
Муана! — Между тѣмъ голосъ публи-
ки и блестящій успѣхъ его работы,
вмѣстъ съ моими убѣженіями, не-
сколько успокоили духъ его.

Но пришедши къ нему однажды
поушру, нашелъ я лучшую карпину
его

его изорванную въ клочки; жена и дочь его спояли и плакали.

Въ изумлении и въ горести спросилъ я у нихъ, какой безумной изорвалъ эту прекрасную картина? Самъ мужъ мой, отвѣчала мнѣ мать. — „И такъ онъ помѣшался? „ — Отъ горести, сказала она, Эта нещастная картина можетъ споить жизни старинному другу нашему. Вы знаете Пакома — вы видѣли его у насъ. Ахъ, Господинъ Дризакъ! этотъ почтеннейшей человѣкъ — супругъ, отецъ многихъ дѣтей — вчера въ кофейномъ домѣ былъ жестоко обиженъ, за то, что онъ отвѣчалъ одному нетодному человѣку, называемому Рюдрикуромъ, которой унижалъ работу моего мужа, не щадя даже и его особы, и называя его гордецомъ и подлымъ ненавистникомъ всѣхъ превосходныхъ художниковъ. Пакомъ вытерпѣлъ самую жестокую критику прошивъ работы своего друга; но когда ругатель началъ уже лично поносить его, тогда онъ вступилъ и

вызывалъ его представить хотя одно дѣло, или хотя одного свидѣтеля для подтверждѣнія своей клеветы. Слово *клевета* оскорбило *клеветника*. Вотъ тебѣ свидѣтель! сказалъ онъ, замахнувшись на него палкою. Пакомъ, будучи на ту минуту безоруженъ, не могъ отмстить ему; но со вчера-шняго вечера жена и дѣти напрасно старающейся уговорить его: онъ хотѣлъ наказать Рюдрикура или умереть. Сынъ его хочетъ умереть пре-жде отца своего. Это еще не все. Мужъ мой думаетъ, что ему должно отмстить за своего друга — и тепе-перь приготавляетъ свои пистолеты. Напрасно мы къ нему присту-пали: онъ выгналъ меня съ дочерью, и не хочетъ видѣть насъ, пока не замоетъ безчестія кровью.

Слушая эту повѣсть, я вспом-нилъ лекаря Бажьо — пошелъ пря-мо къ Ванлоо и принудилъ его от-ворить мнѣ дверь своего кабинета. Что ты дѣлаешь? сказалъ я, вида, что онъ заряжаетъ пистолеты: раз-

въ общее презрѣніе не накажетъ за
васъ этова негодяя? Нѣпъ, Г. Дри-
закъ — отвѣчалъ онъ — нѣпъ!
Иное дѣло, еспѣли бы этотъ че-
ловѣкъ былъ прусъ; но какъ онъ, имѣя
самую безчестную душу, не меныше
того почитается храбрецомъ: то я
хочу узнать, въ самомъ ли дѣлѣ онъ
шаковъ, и сполько ли онъ храбръ,
сколько жестокъ и безстыденъ.

Въ самую ту минуту, какъ онъ
мнѣ это говорилъ, увидѣли мы Рюд-
рикура, идущаго мимо пашихъ оконъ
въ залу Художества. Онъшелъ
гордо, поднявъ голову вверхъ, смо-
тря на всѣхъ съ презрѣніемъ, нахлу-
чивъ на глаза шляпу, и держась ру-
кою за длинную свою шпагу. Волѣ
онъ, сказалъ мнѣ Карлъ: я буду до-
жидаться, когда онъ пойдетъ назадъ;
а Г. Дризакъ долженъ быть свидѣте-
лемъ.

Признаюсь, что я и къ пистоле-
тамъ друга моего Карла и къ шпагѣ
добродушнаго Пакома имѣлъ очень мало
довѣренностї. Но какъ же было удер-

жать человѣка, въ которомъ кипѣла кровь? Онъ просилъ меня не удерживать его, и шакимъ тономъ, что я не смѣлъ уже ему пропиорѣчить; мнѣ оставалось только ити за нимъ. Но вышедши изъ кабинета, какую же мы увидѣли сцену! какую картина! и какъ бы хорошо могъ онъ самъ написать ее! Жена и милая дочь его бросились къ нему вмѣстѣ — одна нашею, другая къ ногамъ его, — обхвативъ его своими руками, — проливая слезы, и упрашивая его шакими словами, которыя проникаютъ душу . . . Карль ко всему этому былъ нечувствителенъ. Другъ мой, говорилъ онъ, другъ мой обиженъ; надобно описать за него, или умереть. Наконецъ жена его упала въ обморокъ; а слабая и нѣжная дочь, увидѣвъ пистолеты въ карманѣ отца своего, и забывъ весь страхъ лѣтъ своихъ, силилась опнять ихъ. Чемъ дѣлаешь? сказалъ онъ ей: пистолеты заряжены; и еспѣли одинъ изъ нихъ выстрѣлишь, то ты убьешь

опца своего. — Тутъ она поблѣднѣла и упала на полъ.

Послушай, другъ мой! сказалъ я Карлу: ты мыслишь, какъ должно храброму человѣку — въ этомъ надобно признаться — но только поступокъ твой будешь очень неоспороженъ, еспѣли ты публично нападешь на своего противника. *Видно онъ хотѣтъ, чтобы ихъ развели,* скажущъ люди съ насмѣшкою. Не позволишь ли мнѣ безъ всякаго шума привести его въ такое мѣсто, гдѣ вы будете свободны? — Очень хорошо, отвѣчалъ онъ съ радостію: я обѣ эпомъ тебѣ прошу. — И такъ останься въ покой, и когда увидишь насъ идущихъ, то поди за нами. Между тѣмъ тебѣ должно успокоить жену и дочь свою; а я пойду въ Залу.

Въ самомъ дѣлѣ я пошелъ шуда, и увидалъ въ толпѣ моего критика, какъ онъ, приславъ лорнетъ къ правому глазу, обходилъ картины и говорилъ съ презрѣніемъ о самыхъ лучшихъ, къ великой досадѣ трехъ молодыхъ

дыхъ художниковъ, которые провожали его глазами, дивясь его безсмыслству. Я приближился и сталъ немнога позади его, чтобы начать съ нимъ разговоръ. Смопря на Вернешову картину, сказалъ онъ: *художникъ живопись!* а я сказалъ: „какая прекрасная живопись! какія натуральныя краски! кто лучше его пишетъ небо, воду, воздухъ и сѣть? „ Онъ осмотрѣлъ меня съ головы до ногъ, и подвинувшись впередъ, сказалъ о картинѣ Дезеевой: *здесь видно искусство безъ дарованія;* а я сказалъ: „здесь видно только одно великое дарованіе. „ Онъ смоприпѣ на Веневу картину и говоришъ: *утеническая работа!* а я отвѣчаю: „работа ученика, совмѣстника великихъ мастеровъ. „ О Лагреневой картинѣ сказалъ онъ: *это очень холодно и слишкомъ принужденно!* а я сказалъ: „такъ холодно, какъ работа Альбанова, и такъ принуждено, какъ кисть Корреджіева. „ Наконецъ, примѣшивъ пустое мѣсто, гдѣ стояла картина друга моего Ванлоо,

ска-

сказалъ онъ съ улыбкою: „*Ванлоо* сдѣлѣлъ очень хорошо, что снялъ ее, потому что она ни къ чему негодилась, — а я ошвѣчалъ: „*Ванлоо* сдѣлѣлъ очень дурно, потому что она была несравненна.,, — Возраженія мои вывели его изъ шерпѣнїя. Онъ посмотрѣлъ на меня въ другой разъ и сказалъ: *какѣ скутно бытъ вѣ сосѣдствѣ сѣ глупцомѣ!* а я ошвѣчалъ: *какѣ несносно встремитъся сѣ шалуномѣ!* Тутъ онъ обернулся, и принялъ меня за ученика, далъ мнѣ щечокъ. Я безъ всякаго шума надѣлъ на голову шляпу и сказалъ ему: „Государь мой! видите ли вы эшу кокарду? — Вижу, — ошвѣчалъ онъ. — „И такъ,, — И такъ! повторилъ онъ, передражнивая меня. — Государи мои! сказалъ я тремъ молодымъ художникамъ, которые удивлялись моему спокойствію: не угодно ли вамъ прогуляться? Я всякой день передъ обѣдомъ прохаживаюсь въ Елисейскихъ поляхъ (*); это возбуждаетъ во мнѣ аппетитъ. „И я шамъ иногда прогуливаюсь, — сказалъ

Рюдрикуръ: движенье мнѣ полезно., —
Я въ ту же минуту вышелъ съ моло-
дыми людьми, у которыхъ глаза пы-
лали отъ гнѣва.

Ванлоо дожидался меня на улицѣ.
— „Гдѣ же онъ?“, — Будетъ за-
нами; пойдемъ въ Елисейскія поля. —
Дорогою Ванлоо рассказалъ художни-
камъ Пакомово приключеніе; но онъ
не зналъ моего — я просилъ ихъ не
говорить ему о томъ ни слова.

Рюдрикуръ не заставилъ себя до-
жидаться, и мы увидѣли его идущаго
шуда другою аллею; а за нимъ шли
Пакомъ и сынъ его, которые конеч-
но не спускали его съ глазъ; и топъ
и другой шелъ въ шляпѣ, съ длин-
ною шагою на бедрѣ, которую они
вѣрно въ первой разъ взяли въ руки.
Ахъ! сказалъ мнѣ Карлъ, увидѣвъ ихъ:
избавь меня отъ этихъ людей, кото-
рые хотятъ, чтобы ихъ закололи. —
Мы пошли къ нимъ на встрѣчу.

Послушайте, государи мои! ска-
залъ я имъ, когда мы сошлися: здѣсь
всякой изъ насъ хочешь решить свою

ссору; потому что и я такъ же обиженъ, государи мои — и еспьли вы позволише, то общій нашъ противникъ начнетъ съ меня. — Съ васъ, сударь? сказалъ Карлъ съ удивленіемъ: вы, кажется, здѣсь ничто иное, какъ свидѣтель. Я понимаю ваше намѣреніе, и чувствую, чѣмъ мы вами обязаны; но пожалуйще успокойшесь, и будьте увѣрены, что пріятели ваши безъ васъ умѣютъ загладить свое безчестіе. — „Ваше безчестіе? Очень хорошо; да кто же мое загладитъ? „ — Ваше? — „Конечно; мой щелчокъ. Вѣдь не вамъ его дали? слѣдственно не вамъ и мстить за него. — Ванлоо не понималъ меня, и мнѣ надлежало разсказать ему все дѣло. Онъ хотѣлъ еще сомнѣваться; но тутъ было прое свидѣтелей. И такъ не для васъ, а для себя пригласилъ я сюда этого человека, сказалъ я: почему мнѣ должно и принять его. Я скоро кончу свое дѣло, и черезъ нѣсколько минутъ отдамъ его вамъ живаго или мертваго.

Рюдрикуръ терялъ терпѣніе. Извините, сказалъ я подошедші къ нему: эпи господа спорили со мною о первенствѣ; я долженъ былъ доказывать имъ, что оно мнѣ принадлежитъ. Они согласились — и теперь я весь къ вашимъ услугамъ.

Я вижу, сказалъ онъ съ насмѣшкою, что въ нынѣшнее утро мнѣ будетъ не одно дѣло; рѣшимъ напередъ ваше.

Тутъ вынулъ онъ шпагу, аршина въ два длиною. И я свою вынулъ, которая была почти вдвое короче его шпаги, и которая еще никогда въ дѣлѣ не бывала; попому что я въ молодости своей игралъ только одною рапирою.

Мы начали биться, и сперва безъ всякаго жара; но вдругъ съ ужасною силою онъ выпалъ и хотѣлъ насквозь проколоть меня; но, къ щастію, я успѣлъ отпариовать его шпагу — и въ самое то время, какъ онъ выпадалъ, и какъ я, отводя ударъ, поспоронился, правой глазъ его самъ

собою напкнулся на конецъ моей шпаги. Видно, что боль была очень сильна; поному что онъ поблѣднѣлъ, и бросивъ свою шпагу, оперся объ дерево.

Пріятели мои, думая, что онъ смертельно раненъ, бросились къ нему на помощь. Нѣтъ, сказалъ я, жизнь его ни мало не въ опасности. Онъ лишился только своего дурнова глазу. Дайше мнѣ сказать ему два слова. — Поднявъ его шпагу, подошелъ я къ нему и сказалъ: „Думаю, что вы довольны; а что до меня касается, то и я доволенъ. Но зтотъ честной человѣкъ жестоко вами обиженъ; вы непремѣнно должны просить у него прощенїя и положить къ его ногамъ шпагу свою. „ Тутъ Рюдрикуръ съ яростю взглянулъ на меня лѣвымъ глазомъ своимъ, и отвѣчалъ, что онъ того не сдѣластъ; что онъ безоруженъ, и что я могу заколоть его. Нѣтъ, я не намѣренъ колоть васъ, отвѣчалъ я: но ешьли не захочите дать такого легкаго удоволь-

спвіл за такую несносную обиду, то вы не достойны пользоваться зрѣніемъ, и я постараюсь выколопть вамъ послѣдній глазъ; а по томъ отведу васъ въ домъ слѣпыхъ. — Онъ наконецъ согласился; и какъ добродушной Карлъ, такъ и Пакомъ съ сыномъ своимъ почувствовали жалость, когда бѣдной Рюдрикуръ отдавалъ имъ шапку. Молодые художники не были такъ жалоспливы, и вспомня, съ какимъ презрѣніемъ смотрѣлъ онъ въ свой лориетъ, сказали: „Теперь уже не льзя ему ругаться надъ дарованіями; Богъ отнялъ у него то, чѣмъ онъ грешилъ. „

Хотите ли вы еще болѣе удивляться правосудію Провидѣнія? сказаль я имъ: знайте, что самую эту руку, которая отмѣтила теперь за друга моего Карла и друзей его, спасъ мнѣ Ванлоо. — Тутъ я рассказалъ имъ Лауфельдское мое приключеніе; они слушали меня съ великимъ удовольствіемъ, и сказали наконецъ: „вопѣ

новое доказательство, что благодѣяния никогда не пропадаютъ!,,

Разговаривая такимъ образомъ, мы подходили къ Лувру, радуясь тѣмъ, что два горестныхъ семейства будущими упѣшены. Тутъ вдругъ осপановилъ меня Офицеръ, и велѣлъ мнѣ испыти за нимъ. Надобно думашь, что кто нибудь издали увидѣлъ нашъ поединокъ и донесъ на насъ. Не бойшесь ничего, сказали мнѣ молодые художники: мы будемъ вашими свидѣтелями. — Они пошли за мною въ пемницу. Карлъ и другъ его съ сыномъ своимъ хотя больше моего испугались, однако же также хотѣли испытать со мною. Нѣтъ, сказалъ я имъ, не мѣшайтесь въ эпо дѣло; я вѣрно оправдаюсь; оспавыше меня, и подище успокоить вашихъ домашнихъ.

Свидѣтели были выслушаны; меня самого допросили; и судья, которому поручено было эпо дѣло, не находя во всемъ происшествіи ничего, кроме обиды, ссоры и наказанной наглости, увѣрилъ насъ, что Трибуналъ

конечно не заспавшъ меня долго помышлься въ заключеніи.

Такимъ образомъ я остался между четырехъ спѣнъ съ покойнымъ и радостнымъ сердцемъ.

Я принудилъ Пакома взять и удержать у себя Рюдрикурову шлагу, которая была неопровергаемымъ свидѣтельствомъ его чести. Карлъ возвратился къ супругѣ и дочери своей; будучи упѣшены, будучи избавлены отъ жестокаго, мучительного спраха, они радостно обнимали другъ друга, и наслаждались совершеннымъ щаслиемъ. Все это видѣлъ я изъ глубины моей тьмницы, и дышалъ въ ней самымъ цѣлебнѣйшимъ и чистѣйшимъ воздухомъ.

,, Ахъ, конечно! сказала Юля: но вы вѣрно были еще щастливѣе въ ту минуту, когда пришли къ вамъ въ тьмницу оба семейства и съ восхищенiemъ изъявили вамъ благодарность свою за спасеніе того, что для нихъ всего драгоцѣнѣе было! ,,

Вы

Вы угадали, сударыня. Это зре-
лище привело меня въ неописанной
восторгъ. Въ жилищѣ пресущленія
и стыда, угрызений совѣсти и скор-
би, я наслаждался небомъ. Вообрази-
те себѣ, что нѣжная Карлина меня
обнимала, омывала слезами и цѣловала
руки мои. Но это было для меня
еще не споль прогательно, какъ дру-
гое. Мать ея . . . ахъ! надобно бы-
ло видѣть глаза ея матери, ея друга,
жену Пакомову, и двухъ молодыхъ
дочерей ея! Не льзя найти словъ для
такого описанія. О благословенной
щелчокъ! говорилъ я самъ себѣ: безъ
тебя никогда не узналъ бы я такого
щастія! — Въ восхищеніи своемъ
обнималъ я ихъ безъ разбору, и пла-
калъ какъ младенецъ.

Наконецъ мнѣ надлежало успоко-
ить ихъ въ разсужденіи моего поло-
женія; послѣ чего Карлъ сказалъ мнѣ,
что я вѣрно самъ искалъ ссоры, и
хотѣлъ быть обиженнымъ для того,
чтобы оправдаться за ихъ обиду. Другъ
мой! отвѣчалъ я: естьли бы это и

въ самомъ дѣлѣ такъ было, то ты знаешь, что я тебѣ обязанъ моею рукою; и такъ она по справедливо-сти должна была отслужить своему спасителю. Но я въ самомъ дѣлѣ обиженъ, и единственно за то, что говорилъ правду, хваля дарованія, безстыдно унижаемыя Рюдрикуромъ. Теперь надѣюсь, что онъ исправится, и съ нынѣшняго времени будетъ смотрѣть на работу великихъ Художни-ковъ *другимъ глазомъ*.

Не нужно сказывать, что Карль, разставшись со мною, старался всячески освободить меня. Онъ имѣлъ друзей, и неоштупно просилъ обо мнѣ. На другой день Маршалъ Н* призвалъ меня къ себѣ, и я чисто-сердечно рассказалъ ему свое приклю-ченіе.

Господинъ Баронъ! сказалъ мнѣ эпопѣ великодушной старецъ: вы по-ступили какъ честной человѣкъ и вѣр-ной другъ; надѣйшесь на мое покро-вительство. — Онъ сдержалъ свое сло-

слово, и я обязанъ ему моимъ чи-
номъ. Но всего драгоцѣннѣе была мнѣ
дружба двухъ семействъ, которыя
всегда съ опмѣнною нѣжносстю меня
любили: старики какъ сына, а моло-
дые какъ отца.

Мармонтель.

IX. X

ИСТОРИЯ ЛЕ-ФЕВРА.

(Изъ Гристрама Шанди. Переводъ
съ Английскаго.)

Однажды ввечеру, въ шопъ са-
мой годъ, въ которой союзныя вой-
ска завладѣли городомъ Дендермон-
домъ, — что было за семь лѣтъ до
того, какъ отецъ мой поселился въ
деревнѣ, и черезъ семь лѣтъ послѣ
того, какъ для мой съ Тримомъ ти-
хонько ушли изъ дому отца моего въ
городъ, въ намѣренїи начать славнѣй-
шую осаду наилучшей Европейской крѣ-
пости — для мой Тоби ужиналъ, а
Капралъ Тримъ сидѣлъ позади его за
другимъ столикомъ — —

Я говорю, сидѣлъ; потому что дядя мой Тоби, изъ уваженія къ изувѣченной ногѣ его (которая по временамъ чрезвычайно его мучила) никогда не допускалъ Капрала стоять, когда онъ обѣдалъ или ужиналъ одинъ; но почтеніе бѣднаго Капрала къ своему начальнику было столь велико, что дядѣ моему Тоби легче было бы съ надлежащимъ количествомъ огнестрѣльныхъ орудій взять Дендермондъ, нежели преодолѣть его упорство въ семъ пункѣ; ибо часто случалось, что дядя мой Тоби (*), обворачиваясь назадъ, находилъ его стоящаго съ величайшою почтительностию въ то самое время, когда онъ думалъ, что нога его покоится; отъ чего происходили между ими размолвки, чаще нежели отъ чего нибудь другого въ теченіи двадцати семи лѣтъ. — Но все сѣ ни къ селу ни къ городу: на чѣ

(*) Сіи повторенія имени принадлежащъ къ характеру Спернова слога. К.

же я говорю о томъ? Спросите первое; оно управляемъ мною, а не я имъ.

И такъ однажды, какъ онъ ужиналъ, входишь въ споловую хозяинъ бѣдной деревенской корчмы, держа въ руку порожнюю бушылку, и просишь одолжить его одною или двумя рюмками Канарского вина — для бѣдного Офицера (сказалъ корчмарь), кошкой за чепыре дни передъ этимъ занемогъ въ моемъ домѣ, и кошкой съ того времени не поднималъ головы своей и не бралъ въ ротъ ни маковой росинки; а теперь захотѣлось ему поджаренаго хлѣба и Канарского вина. „Я думаю — сказалъ онъ, опнявъ ошо лба руку свою — что это меня облегчитъ.” „Если бы мнѣ, примолвилъ корчмарь, не лѣзя было ни выпросить, ни занять, ни купить вина, то я рѣшился бы хотя украсить его для бѣднаго господина. Онъ такъ боленъ! Я надѣюсь, что милосердый Богъ его под-

ниметъ; онъ всѣхъ настъ очень про-
гаетъ.

Я ручаюсь, что ты доброй чело-
вѣкъ! вскричалъ мой дядя Тоби: и
шебѣ должно самому выпить за здо-
ровье бѣднаго Офицера рюмку Канар-
скаго; а по томъ возьми и для него
двѣ бутылки, и скажи ему, что я
посылаю ихъ отъ доброго сердца,
и пришлю еще дюжину, еслѣли вино
ему полюбится.

Хотя я и увѣренъ (сказалъ дядя
мой Тоби, какъ скоро корчмаръ затво-
рилъ за собой дверь), что этотъ чело-
вѣкъ очень сострадателенъ, одна-
ко жъ Тримъ, я долженъ весьма
хорошо думать о его больномъ.
Надобно, чтобы въ немъ было что
нибудь опомѣнное, когда онъ въ та-
кое короткое время сполько полю-
бился хозяину — — И всему семей-
ству его, примолвилъ Капраль: по-
тому что онъ всѣхъ ихъ очень про-
гаетъ...

Тримъ! догони его (сказалъ дядя
мой Тоби), и спроси объ имени Офицера.

Слы-

Слышалъ, да позабылъ, сказалъ корчмаръ, возвратясь съ Капраломъ: пришедши я опять спрошу у его сына. А съ нимъ еще и сынъ? спросилъ мой дядя Тоби. — Мальчикъ лѣтъ одиннадцати или двѣнадцати, отвѣталъ корчмаръ. Бѣдной ребенокъ тоже почти ничего не ъстъ, а только что день и ночь плачетъ. Въ эти два дни онъ не отходилъ отъ его кровати.

Межу тѣмъ дядя мой Тоби положилъ ножикъ и вилку, и отодвинулъ отъ себя тарелку; а Тримъ, не ожидая приказа, началъ молча собирать со стола, и черезъ нѣсколько минутъ принесъ ему трубку и табакъ.

Побудь на часокъ здѣсь, сказалъ мой дядя Тоби.

Тримъ! . . . сказалъ мой дядя Тоби, раскуривъ трубку и выпустивъ разъ десять изо рта дымъ. Тримъсталъ пропивъ своего начальника, и отвѣсилъ ему поклонъ. Дядя мой Тоби продолжалъ курить — и не говорилъ ни слова.

Капралъ! — сказалъ мой дядя Тоби. Капралъ поклонился. Дядя мой Тоби не сказалъ болѣе ничего, и докурилъ трубку.

Тримъ! — сказалъ мой дядя Тоби: у меня въ головѣ предпріятіе. Слушай: теперь ночь холодна; и такъ я закупаюсь въ свой теплой серпукѣ, и пойду посѣтить бѣднаго Офицера.

Ваше благородіе не изволили надѣвать этова серпуга, сказалъ Капралъ, съ той поры, какъ мы стояли на караулѣ въ траншѣ, передъ воротами святаго Николая, на канунѣ того дня, въ кошорой васъ ранили. А сверхъ того ночь такъ холодна и сыра, что какъ опѣ серпуга, такъ и опѣ ненаспѣя не диво умереть вашему благородію; да и боль въ паху вашего благородія можетъ усиливаться.

Правда, я и самъ того боюсь, опѣвѣчалъ мой дядя Тоби: но послѣ разсказовъ корчмаря не могу быть покоенъ. Лучше бъ я не хопѣлъ знать

споль-

столько, примолвилъ дядя мой Тоби — или хотѣлъ бы узнать больше. Что же намъ дѣлать?

Съ позволенія вашего благородія, сказалъ Капралъ, возьму я шляпу и палку, пойду въ корчму, узнаю все подробно и черезъ часъ возвращусь къ вашему благородію съ полнымъ донесеніемъ.

Ладно, Тримъ, хорошо! сказалъ мой дядя Тоби: бѣги же! вотъ тебѣ шиллингъ: попопчиваи на него слугу его.

Онъ мнѣ все выскажешъ, сказалъ Капралъ, хлопнувъ за собой дверью.

Дядя мой вспорично набилъ трубку; и еспѣли бы иногда мысль его не сбивалась на осады крѣпостей, и на прямые и кривые окопы, то смѣло было сказать, что онъ во все то время, пока курилъ, ничѣмъ болѣе не занимался, какъ Лев-Февромъ и его сыномъ.

Еще не вытрясъ онъ пепла изъ крепкой трубки, какъ уже Капралъ

возвратился и принесъ слѣдующія вѣсни:

Сперва я отчаялся - было удовольствоваться хоть въ маломъ чёмъ любопытство вашего благородія въ разсужденіи больнаго Порушчика -- И такъ онъ еще въ службѣ, Тримъ? сказалъ мой дядя Тоби. — Въ службѣ, ваше благородіе! сказалъ Капралъ. — А въ кошторомъ полку? сказалъ дядя мой Тоби. — Дайте мнѣ, ваше благородіе, разсказать все по порядку, какъ я видѣлъ и слышалъ, отвѣчалъ Тримъ. — И такъ я выкурю еще трубку, Тримъ, сказалъ мой дядя Тоби — и не спашу перебивать тебя до самаго конца. Возьми спуль, Тримъ, сядь, и начни снова повѣстъ свою.

Капралъ отвѣсилъ спаринной свой поклонъ, которой говорилъ такъ ясно, какъ только поклону говорить можно: *благодарю за милость вашего благородія!* Послѣ чего, въ силу приказанія, сѣлъ на спуль и началъ рассказывать почти тѣми же словами, какъ прежде.

Спер-

Сперва я отчаялся - было удовольствоваться хоть въ маломъ чмъ любопытство вашего благородія , относительно къ Поручику и сыну его ; ибо какъ я спросилъ, гдѣ находился его служитель , отъ котораго надлежало мнѣ вывѣдать все то, о чмъ только по совѣсти спрашивать можно — — — Оговорка хороша , сказаъ мой дядя Тоби — — по мнѣ отвѣчали , что слуги у него нѣтъ ; что онъ прїѣхалъ на наемныхъ лошадяхъ , которыхъ на другой же день по прїѣздѣ своемъ и оппуштилъ , находя себя не въ состоянїи ѿхать (въ свой полкъ , думаю). Еспѣли мнѣ будетъ легче , другъ мой , сказаъ онъ сыну , отдавая ему свой кошелекъ для расплаты съ извощикомъ , по мы здѣсь наймемъ другихъ лошадей. Но бѣдному господину видно уже не выѣзжать изъ моего дома , сказала мнѣ хозяйка : я во всю ночь слышала крикъ сверчка (*); а еспѣ-

---

(*) По-Англійски Death - watch.

если онъ умретъ, то и сынъ его скоро за нимъ же пойдетъ въ могилу; потому что онъ и теперь уже на силу ходитъ съ печали.

Межу тѣмъ какъ я, ваше благородіе, все это слушалъ, вошелъ въ кухню маленькой Ле-Февръ, чтобы велѣть приготовить поджареной хлѣбъ, о которомъ упоминалъ хозяинъ. Но я самъ приготовлю его для батюшки, сказалъ мальчикъ. Не трудись, доброй молодой баринъ, сказалъ я ему, взявъ вилку и подспавъ подъ него мой стулъ, чтобы онъ сѣлъ пропивъ огня, пока я буду спрягать.

Я думаю, сказалъ онъ мнѣ съ ласковымъ видомъ, что изъ моихъ рукъ онъ лучше ему полюбится.

А я увѣренъ, отвѣчалъ я, что онъ полюбится ему и изъ рукъ спараго солдата.

При этомъ словѣ мальчикъ взялъ меня за руку, и залился слезами.

Бѣдной ребенокъ! сказалъ дядя мой Тоби: онъ восписанъ въ армii, и имя солдата, Тримъ, имя солдата отозвалось въ ушахъ его такъ пріятно, какъ имя друга. Мнѣ бы хотѣлось видѣть его здѣсь.

Повѣрише ли, ваше благородiе, что я никогда послѣ самаго долгаго перехода такъ сильно не хотѣлъ обѣдать, какъ мнѣ хотѣлось тогда съ нимъ плакать! Какая бѣ тому была причина, ваше благородiе?

Та одна, Тримъ (сказалъ мой дядя Тоби, утеревшись плашкомъ) что ты имѣешь доброе сердце.

Подавъ ему поджареной хлѣбъ, продолжалъ Капралъ, за приличное получѣлъ я обѣявшиъ ему, что служу господину Капишану Шанди; что господинъ мой хотя ему и незнакомъ, но принимаетъ великое участiе въ болѣзни его родителя, и еспѣли сышешся что нибудь въ нашемъ домѣ, или погребѣ — — — , И вѣкошелькѣ моемѣ, надлежало бѣшеѣ при-

МОЛ-

молвить,, сказалъ мой дядя Тоби —
— что вы готовы всемъ служить ему.
Тутъ онъ низехонько поклонился
(этотъ поклонъ относился конечно
къ вашему благородію), но ни слова не
отвѣталъ мнѣ; пошому что сердце
его было полно. Онъ понесъ поджа-
реной хлѣбъ наверхъ; а я, отво-
ривъ ему дверь, сказалъ: увѣряю
васъ, милой баринъ, что башушка
ваша будеъ здоровъ.

Приходской Священникъ, Г.
Йорикъ, сидѣлъ на кухнѣ возлѣ огня и
курилъ табакъ, не говоря ни худа
ни добра въ утѣшеніе бѣднаго маль-
чика. Это мнѣ показалось не хорошо,
ваше благородіе, — примолвилъ Ка-
пранъ. — И мнѣ такъ же кажется, ска-
залъ мой дядя Тоби.

Порупчикъ, отвѣдавъ поджаренаго
хлѣба и Канарскаго вина, почув-
ствовалъ въ себѣ облегченіе и при-
слалъ мнѣ сказать, что буде я
хочу взойти къ нему минутъ черезъ
десѧть, то онъ будеъ мнѣ очень
радъ. Я думаю, сказалъ корчмаръ,
что

что онъ теперь молится; потому что за кроватью на спурѣ лежала книга, и когда я запворялъ дверь, сынъ его подымалъ подушку.

А я думалъ, сказалъ Священникъ, что ваши братья служивые, Г. Тримъ, никогда не молятся. — Вчерашнюю ночь я точно слышалъ своими ушами, сказалъ хозяинъ, что бѣдной господинъ молился, и очень усердно; въ эпомъ прошу мнѣ повѣриТЬ. Полно-правда ли? спросилъ Священникъ. Съ позволенія вашего священства, опровергалъ я, солдатъ молится не реже вашего. Сражаясь за своего Государя, за жизнь и за честь свою, онъ болѣе другова долженъ помнить Бога.

Хорошо, хорошо сказано для Капрала, — сказалъ дядя мой Тоби.

Но когда солдатъ, примолвиЛъ я, съ позволенія вашего священства, маешься сряду 12 часовъ въ траншеяхъ, споя по колѣно въ холодной водѣ или дѣлье мѣсяцы мучась въ трудныхъ и опасныхъ переходахъ, севодни защи-

ща-

щаясь отъ непріятеля въ арріергардѣ, а завтра самъ на него нападая; будучи посланъ туда, и повороченъ опять сюда; когда онъ въ нынѣшнюю ночь отдыкаетъ на своей сумѣ, а въ слѣдующую вскакиваетъ въ одной рубашкѣ, чтобы сражаться съ непріятелемъ, щелкая отъ спужи зубами, и не находя можетъ быть въ палаткѣ своей ниже соломенки, на которую бѣ ему для принесенія Богу молитвы, лѣзя было преклонить колѣно свое — въ такомъ случаѣ онъ долженъ молиться, когда улучитъ время, и какъ ему возможно. Такъ, Г. Священникъ, сказалъ я — потому что мнѣ за честь армїи стало досадно — съ позволенія вашего священства скажу я, что солдатъ, улучивъ время, молится съ такою же теплотою вѣрою, какъ и попъ, хотя и не съ такимъ лицемѣрствомъ.

Тримъ! сказалъ мой дядя Тоби: одному Богу принадлежитъ судить, кто лицемѣръ, и кто нѣтъ. Въ день большаго генерального смотра, Кап-
пра-

ралъ, въ день суда (а не прежде) откроется, кто исполнялъ свою должность въ здѣшнемъ мірѣ, и кто нѣтъ; и каждой изъ насъ будетъ повышенъ по дѣламъ своимъ. — Конечно, ваше благородіе, сказалъ Тримъ. — Такъ написано въ Библіи, сказалъ дядя мой Тоби: завтра я покажу тебѣ это мѣсто. А въ ожиданіи того мы должны къ упѣшенію нашему вѣриТЬ, сказалъ мой дядя Тоби, что всемогущій Богъ такъ милосердъ и справедливъ, что еспѣли мы исполняли только свои должности, то нась не спросятъ, въ черномъ ли, или въ красномъ кафтанѣ мы исполняли ихъ. — Самая правда, ваше благородіе, сказалъ Капралъ. — Продолжай свою повѣсть, сказалъ мой дядя Тоби.

По истеченіи десяти минутъ, продолжалъ Капралъ, войдя къ Поручику, нашелъ я его на постелѣ. Облокотясь на изголовье, поддерживалъ онъ рукою голову; подлѣ него лежалъ тонкой башмаковой плашокъ; а мальчикъ, сынъ его, наклонясь подни-

малъ подушку, на которой, видно, Порутчикъ споялъ на колѣнахъ; книга лежала на поспелъ — и когда онъ приподнялся, то, держа подушку одною рукою, протянулъ другую, сѣтьмъ, чтобы снять книгу. Оставилъ ее тушъ, другъ мой, сказалъ Порутчикъ.

Онъ началъ говорить со мною тогда, когда я подошелъ уже къ самой его кровати. Ешьли ты служишь Капитана Шанди, сказалъ онъ, то пожалуй засвидѣтельствуй ему ошь меня и сына моего чувствительную благодарность за его ласку. Ешьли онъ изъ Левенсова полку — — Точно изъ него, сказалъ я — — по мы, продолжалъ онъ, служили вмѣстѣ при лѣта во Фландріи. Вспомни ему . . . Но какъ я не имѣлъ чести быть ему знакомъ, то вѣроятно, что онъ ничего обо мнѣ не знаетъ. Однако жь скажи ему, другъ мой, что нещастный, имѣ одолжаемый, ешь Леверъ, Порутчикъ Ангусова полку; но Господинъ Шанди вѣрно меня не зна-

знаешьъ, повторилъ онъ задумавшись.
Можетъ быть, что испорта моя...
Прошу тебя сказать ему, что я томъ
самой Пропорщикъ, копораго жена по
недѣлному случаю застрѣлена изъ
ружья въ Бредѣ, въ моей палаткѣ и
въ моихъ объятіяхъ. Это и я памя-
тую, ваше благородіе, сказалъ я. —
И ты помнишь? сказалъ онъ, обши-
рая плащкомъ слезы свои: и такъ
мнѣ можно... Сказавъ это, онъ вы-
нулъ изъ-подъ рубашки перстенекъ,
которой, казалось, повѣшенъ былъ у
него на шей на черной ленточкѣ; поцѣ-
ловалъ его два раза, и сказалъ: Билли!
— Сынъ прибѣжалъ къ кровати, упалъ
на колѣни, взялъ перстень въ руку,
и также поцѣловалъ его; по томъ по-
цѣловалъ отца, сѣлъ на край постели
и залился слезами.

Я хотѣлъ бы, сказалъ дядя мой
Тоби съ тяжелымъ вздохомъ — я хо-
тилъ бы лучше спать.

Ваше благородіе, отвѣчалъ Кап-
раль, сильно распрогались: не прика-
жете ли налипъ вамъ рюмку Канар-

скаго? — Хорошо, Тримъ, сказалъ мой дядя Тоби.

Я помню, сказалъ мой дядя Тоби, вздохнувъ въ другой разъ, испорю эпова Прапорщика и жены его, съ обстоятельствами, о которыхъ онъ по скромности своей не упомянулъ; помню, что онъ и она — забылъ, по какому случаю — были предметомъ сожалѣнія всего полку. Но досказывай свою повѣсть.

Она уже досказана, ваше благородіе, сказалъ Капраль: потому что я не могъ видѣть далѣе такої жалости, и пожелалъ его благородію доброй ночи. Сынъ его, вставши съ поспели, проводилъ меня съ лѣсницы, и рассказалъ мнѣ между тѣмъ, какъ мы сходили внизъ, что ониѣ хали изъ Ирландіи въ полкъ, которой находился во Фландріи. — Но теперь уже конецъ маршу, и бѣдной Порушчикъ далѣе не пойдетъ, — сказалъ Капраль. Что же будешь съ несчастнымъ сыномъ его! сказалъ дядя мой Тоби.

Къ вѣчной чести дяди моего Тоби послужиша то — (я говорю сїе только для тѣхъ, которые, запутываясь между законами положительными и естественными, не знаютъ, на копорую спорону имъ обернуться въ свѣтѣ) — что хотя дядя мой Тоби и сильно заняты былъ тогда осадою Дендермонда, вмѣстѣ съ союзниками, которые съ такимъ мужествомъ вели свою, что едва давали ему время обѣдать (*); — и хотя онъ имѣлъ уже твердую ногу на концескарпѣ: однако жъ, не смотря на то, оставилъ Дендермондъ и успремилъ всѣ мысли свои на нещастнаго въ корчмѣ; и приказавъ только запереть садовую дверь (по тему можно сказать, что онъ осаду Дендермонда перемѣнилъ въ блокаду) отдалъ на волю Королю Французскому, прислать помощь городу или нѣтъ, а самъ думалъ только о томъ, какъ бы

О З

по-

(*) Капитанъ Шанди построилъ у себя въ саду маленькой Дендермондъ, и осаждалъ его съ такимъ же жаромъ, съ какимъ союзники настоящій Дендермондъ осаждали.

помочь бѣдному Порушчику и сыну его. — Оное благое Существо, покровитель беспокровныхъ, должно нѣкогда за сїе наградищь тебя!

Ты не совершенно исполнилъ свое дѣло, сказалъ мой дядя Триму, когда онъ клалъ его на посещенію — и вонъ въ чемъ. Впервыхъ, предлагаю Ле-Февру мои услуги, ты зналъ, что дорога и болѣзнь стоять большой издержки, и что Порушчикъ и сынъ его живутъ однимъ только жалованьемъ: для чего жъ ты не предложилъ ему и кошелька моего? Буде ему нужда, то вѣдь ты знаешь, Тримъ, что я съ радостю отдамъ свои деньги.

Вашему благородію извѣспно, сказалъ Капраль что я не имѣлъ приказа. — Правда, Капраль, отвѣчалъ мой дядя Тоби: правда! Какъ солдатъ, поступилъ ты хорошо; а какъ человекъ — худо, очень худо.

Вовторыхъ — на что будешъ у тебя же оправданіе — вовторыхъ, предлагая ему все, что есть въ мосиѣ

емъ домъ, ты бы долженъ былъ предложишь ему и самой домъ мой. Большой собрашъ, Офицеръ, имѣшъ право на лучшую кваршеру; и еспѣли бы онъ лежалъ у насъ, то мы спали бы ходить за нимъ. Услуживашъ больнымъ ты масперъ; и твои попеченія, вмѣстѣ съ услугами нашей спарухи, сына его и моими, могли бъ скоро поднять его на ноги. Въ двѣ или три недѣли, примолвилъ дядя мой Тоби съ улыбкою, онъ вѣрно бы началъ ходить.

Нѣтъ, ваше благородіе, ему ужъ не ходить на бѣлои свѣту, сказалъ Капралъ.

Онъ пойдешъ, сказалъ мой дядя Тоби, вспавъ съ постели съ однимъ башмакомъ.

Пойдешъ въ могилу, ваше благородіе, сказалъ Капралъ.

Онъ будешъ ходить! (закричалъ мой дядя Тоби, поднявъ обутую ногу и не подвинувшись притомъ ни на палецъ) и пойдешъ въ свой полкъ. — Онъ не можешъ перенести эпова, сказалъ Капралъ. — Его понесутъ,

сказалъ мой дядя Тоби. — Онъ умретъ, ваше благородіе, сказалъ Капралъ: и что будетъ съ его сыномъ? — Не умретъ! сказалъ мой дядя надежнымъ голосомъ. — Нѣтъ, ваше благородіе; дѣлайте для него, что вамъ угодно, (сказалъ Капралъ, утверждая свое мнѣніе) а онъ умретъ. — Не умретъ, клянусь Богомъ! вскричалъ мой дядя Тоби.

Духъ обвинитель, воспарившій въ небесный судъ съ сею клятвою, повторилъ ее, и закраснѣлся. Ангелъ, вносящій въ книгу дѣла и слова наши, записалъ ее; но проливъ слезу на сіе слово, смылъ оное на вѣки.

Дядя мой Тоби пошелъ въ свой шкапъ — вынулъ кошелекъ, положилъ его въ карманъ своего нижняго платья, и по томъ, велѣвъ Капралу на другой денъ сходить за лекаремъ, легъ въ постель и заснулъ.

Солнце явилось поутру въ великолѣпномъ сияніи для всѣхъ жителей деревни, кроме бѣднаго ле-Февра и печальнаго сына его; рука смерти уже давила его вѣжи, — и колесо кладен-

зя сдва, сдва вертѣлось вокругъ оси своей. Дядя мой, вспавши часомъ ранѣе обыкновеннаго, вошелъ въ комнату къ Порушчику, сѣлъ безъ малѣйшаго предисловія и апологіи на спулѣ подлѣ кровати, опдернулъ безъ всякихъ чиновъ завѣсъ, какъ прилично старому другу и брашу по службѣ, и спросилъ Ле-Февра, каковъ онъ, — какъ проводилъ ночь, — чѣмъ боленъ, — гдѣ болиши, — что ему надобно; и не давъ ему времени опѣвашь на сполько вопросовъ, рассказалъ ему планъ, сочиненный имъ съ Капраломъ въ прошедшую ночь. Ты переѣдешь шошасъ ко мнѣ, Ле-Февръ; мы сыщемъ Докпора, Аппекаря; Капраль будешь ходить за тобою; я сплану служить тебѣ, Ле-Февръ.

Въ дядѣ моемъ Тоби была иѣкотопраго рода опкровенность, — не дѣйствіе смѣлаго обхожденія, а причина онаго, — которая вдругъ показывала замѣдушу его и всю добруту его сердца. Сверхъ того въ глазахъ, въ голосѣ и въ поступкахъ его было что-то

шакое, которое всегда влекло къ нему нещастныхъ, и заставляло ихъ прибѣгать подъ покровъ его — шакъ чѣмъ прежде нежели онъ разсказалъ отцу половину благодѣтельныхъ своихъ намѣреній, сынъ нечувствуительно прижался къ его колѣнямъ, и схвативъ добродушнаго спарика за камзолъ, тащилъ его къ себѣ. — Кровь и жизненные духи Ле-Февровы, которые уже охладѣли и едва не остановились, отступя къ послѣдней своей ципадели, къ сердцу, пришли въ новое движеніе; пленочка, покрывавшая глаза его, отдернулась; онъ съ нѣжнымъ умиленіемъ взглянулъ на моего дядю Тоби — взглянулъ на сына — и сїя связь, не смотря на всю свою тонкость, никогда не прервалася (*).

Напу-

(*) То есть, связь, которую сей Ле-Февровъ взоръ положилъ между спарикомъ Тоби и маленькимъ Ле-Февромъ. Ешьли бы ты еще живъ былъ, любезной Спернь, то я побывалъ бы въ Англіи за шѣмъ шолько, чтобы поцѣловашъ щебя за сїе мѣсто. К.

Натура скоро опять отспутила ;
пленочка заняла прежнее свое мѣсто —
пульсъ запрясся — остановился —
пошелъ — забился — еще остановилъ —
шронулъ — спалъ . . .
Продолжать ли ? Нѣтъ.

Все , что оспаєтся мнѣ сказать о
молодомъ Ле-Феврѣ отъ сего происшес-
ствія до того времени, въ которое дядя
мой Тоби назначилъ его мнѣ въ учили, —
въ немногихъ словахъ будемъ раз-
сказано.

Дядя мой Тоби, держа за руку мо-
лодаго Ле-Февра , проводилъ бѣднаго
Порушчика до могилы. Правитель Ден-
дермонда воздалъ ему погребальныя
почести по обряду воинскому ; а
Йорикъ (*), чтобы не отспать
отъ людей , воздалъ оныя по духов-
ному : потому что онъ погреѣъ его
подлѣ олтаря, и говорилъ , кажеся ,
надгробное слово.

Ко-

(*) Священникъ , о кошоромъ уже выше сего
упомянуто было,

Когда дядя мой Тоби, превративъ въ деньги всѣ вещи покойнаго, кончилъ разсчеты между полковымъ Марромъ и Ле-Февромъ и между Ле-Февромъ и человѣческимъ родомъ, то не нашлось въ осшаткѣ ничего, кромѣ старого мундира и шпаги, такъ что дядя мой Тоби могъ безъ всякаго помѣшательства со спороны людей вступить въ распоряженіе сего имущества. Онъ опдалъ мундиръ Капралу. Носи его, Тримъ, сказалъ мой дядя Тоби, до тѣхъ поръ, пока онъ съ плечъ не свалился; носи, и поминай Порушчика. А эту (сказалъ дядя мой Тоби, взявъ шпагу и вынувъ ее изъ ноженъ) — а эту буду беречь для тебя, Ле-Февръ. Всѣ же по богатству, продолжалъ дядя мой Тоби, повѣся ее на гвоздь и указывая на нее пальцомъ — вотъ все по богатство, любезной мой Ле-Февръ, которыми Богъ надѣлилъ тебя; и еспѣши Онъ далъ тебѣ еще столько мужества, чтобы открыть себѣ ю путь въ свѣтъ, — и еспѣши ты пойдешь пушемъ своимъ, какъ должно

чес

чесенному человѣку: шакъ съ насъ и
довольно.

Научивъ Ле-Февра чертить правиль-
ный полигонъ въ кругъ, дядя мой Тоби
отправилъ его въ народное училище,
гдѣ онъ, кроме праздниковъ Сочествія
Святаго Духа и Рождества Христова
(въ которые Капралъ Тримъ всегда
за нимъ посыпался) пробылъ до 1717
года. Въ сѣе время слухъ о походѣ
Императорскихъ войскъ въ Венгрію
прошивъ Турковъ воспалилъ въ
сердцѣ его искру пламени; тогда
оспавилъ онъ Греческую и Лапин-
скую Траммапику, и упавъ къ ногамъ
дяди моего Тоби, спалъ про-
сить у него опцовой шпаги и поз-
воленія искать щастія подъ знамена-
ми Евгенія. Два раза дядя мой Тоби
забывалъ свою рану и восклицалъ:
Ле-Февръ! я самъ бду съ тобою, и
ты будешь сражаться подъ меня —
и два раза рука его упадала на боль-
ной пахъ, и голова его склонялась къ
труди въ печали и горести.

Дядя мой Тоби снялъ шпагу съ гвоздя, на копоромъ висѣла она со времени Поручиковой смерти, и вѣлѣлъ Капралу ее высыплишь. Две недѣли продержалъ онъ Ле-Февра въ своемъ домѣ, чтобы собрать его и сыскать случай къ его отправленію. Наконецъ, отдавъ ему въ руки шпагу, сказалъ: Еспѣли ты будешь, Ле-Февръ, храбръ, то она тебя не обманетъ; но фортуна — сказалъ онъ немного задумавшись — фортуна можетъ . . . А еспѣли это случится, примолвилъ дядя мой Тоби, обнимая его, то возвратись ко мнѣ, Ле-Февръ; мы найдемъ тебѣ другой путь.

Самое чувствительное оскорбленіе не могло бы такъ спѣснить Ле-Феврова сердца, какъ спѣснила его родительская нѣжность моего дяди. Онъ разспался съ нимъ такъ, какъ наилучший сынъ разспаечется съ наилучшимъ отцомъ — оба они проливали слезы — и дядя мой Тоби, подѣловавъ его въ послѣдній разъ, всунулъ ему въ руку бо гиней, спрятанныхъ

ныхъ въ спаренъкомъ кошелькѣ отца
его, въ которомъ хранился и перстень
его матери — и просилъ Бога, да
благословитъ Онъ молодаго, любезна-
го человѣка.

Ле-Февръ успѣлъ прїѣхать въ
Императорскую армію къ самому раз-
битію Турковъ подъ Бѣлградомъ, и въ
семъ дѣлѣ весьма отличилъ себя сво-
ю храбростью; но съ самой сей ми-
нуты былъ онъ гонимъ толпою не-
щастій, которые четыре года сряду
по пятамъ его преслѣдовали; онъ все
сіе вытерпѣлъ — но прїѣхавъ въ Мар-
сель, впалъ въ жестокую болѣзнь, и
описалъ къ дядѣ моему Тоби, что
онъ потерялъ время, службу, здо-
ровье и все, все, кроме своей шпаги
— и что онъ на первомъ кораблѣ
къ нему возвратился.

По полученіи сего письма, Ле-
Февръ ожидаемъ былъ каждую мину-
ту — и всегда приходилъ на мысль къ
моему дядѣ Тоби, когда отецъ мой
описывалъ ему и Йорику свойства
ко-

который надлежало имѣть моему наставнику ; но какъ дядѣ моему Тоби казалось , что братъ его въ исчислении требуемыхъ имъ качествъ былъ нѣсколько мудренъ , то онъ удѣрживался произнесши Ле - Феврово имя , до самой той минуты , въ которую , черезъ посредство Йорика , наконецъ рѣшилось , что сей учитель долженъ быть только доброй , великодушной человѣкъ . Тутъ образъ Ле - Февра споль живо представился моему дядѣ , что онъ вскочилъ со стула , и бросилъ свою трубку , чтобы схвативъ за обѣ руки отца моего . Любезной братъ ! сказалъ мой дядя Тоби — я представляю тебѣ бѣднаго Ле - Феврова сына — — И я прошу васъ обѣ имѣть , примолвилъ Йорикъ — — У него такое доброе сердце , сказалъ мой дядя Тоби — — И храбре , ваше благородіе , сказалъ Капраль . — — Добрыя сердца , Тримъ , обыкновенно бывающіе и самые храбрыя ; оплѣчалъ мой дядя Тоби . — — А шрусы , ваше благородіе , всегда были

въ нашемъ полку первые негодяи.
Сержантъ Кумберъ и Прапорщикъ —

— Мы поговоримъ объ нихъ послѣ,
сказалъ отецъ мой.

Спернъ несравненной ! въ ка-
комъ ученомъ Университетѣ на-
учился ты споль нѣжно чувство-
вать ? Какая Риторика открыла тебѣ
тайну , двумя словами попрясать
тончайшія фибры сердцѣ нашихъ ?
Какой музыкантъ такъ искусно звука-
ми струнъ повелѣваешь , какъ ты
повелѣваешь нашими чувствами ?

Сколько разъ читалъ я Ле-Февра !
и сколько разъ лились слезы мои на
лиспы сей испорїи ! Можетъ быть
многое изъ Читашелей Московскаго
Журнала читали уже ее прежде на ка-
комъ нибудь изъ иностранныхъ язы-
ковъ ; но можно ли въ которой ни-
будь разъ читать Ле-Февра безъ но-
ваго , сердечнаго удовольствія ? Пере-
водъ не мой : я только сличалъ его съ
Англійскимъ оригиналомъ . Можетъ быть

иъкошорыя красоты подлишника въ немъ пропадаюшъ; но Чипатель можетъ поправишь его въ своеемъ чу-
сивѣ. — К.

IX. XI

ЖИЗНЬ И ДѢЛА ІОСИФА БАЛЬ-
ЗАМО,

Такъ называемаго Графа Калюстрѣ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

О Египетскомъ Масонствѣ.

Калюстро, какъ мы уже сказали, вошелъ въ Лондонъ въ Орденъ Масоновъ вмѣстѣ съ женою своею. Имъ дали патенты, и Калюстро заплатилъ за свой пять гиней. Въ одинъ день дали имъ три степени, то есть, степень Ученика, Товарища и Масшера. Сверхъ обыкновенныхъ орудій, кошорыя при семъ случаѣ даются, получила жена его леншу, на которой вышины были слова: Union, Silence et Vertu (*согласіе, молчаніе и добродѣтель*) и кошорою надлежало ей въ

пер-

первую ночь обвязать ногу свою. — Живя въ Лондонѣ, прильжно посѣщалъ онъ ложи. Не за долго до отъезда его удалось ему купить у одного книгопро- давца нѣкоторые манускрипты, сочинен- ные какимъ-то Георгомъ Кофтономъ. Онъ нашелъ, что въ нихъ говорится о Египетскомъ Масонствѣ и содержащаяся система, смѣшанная съ чародѣйствомъ и суевѣріемъ. Тотчасъ вознамѣрился онъ учредить Масонство новаго ро- ду, которое не заключало бы въ себѣ ничего суевѣрнаго и магического. На- мѣреніе его было то, чтобы своею сектою надѣлать въ Европѣ шуму, и открыть себѣ новый источникъ до- ходовъ.

Мы починаемъ за нужное описать систему его, въ чемъ послѣдуетъ его письменной книгѣ, которую можно на- звать уложеніемъ Египетскаго Масон- ства. Ее нашли между его бумагами, и онъ не только формально призналъ оную за свое сочиненіе, но объявилъ и то, что многія ложи основаны имъ по со- держащимся въ ней предписаніямъ, и

Что всякая матъ - ложа имѣетъ экземпляръ сей книги. Она писана на Французскомъ языке, и такъ хорошо, что вѣрно не самъ Калюспро писалъ ее. Надобно думать, что онъ изобрѣлъ только машерію, и поручилъ обработть онуу какому нибудь знающему человѣку.

Въ сей системѣ обѣщаетъ онъ ученикамъ своимъ, „довести ихъ до „совершенства посредствомъ физиче- „скаго и нравственного возрожденія, „открыть имъ первую машерію или „камень мудрыхъ, и акацію, которај „въ человѣкѣ консолидируетъ (утвер- „ждаєтъ) крѣпѣшилъ силы юности и „дѣлаетъ его безсмертнымъ, и чрезъ „то доспавить имъ пятиугольникъ, „которой возвращаетъ человѣку пер- „вую его невинность, наслѣдствен- „нымъ грѣхомъ упраченную. „ Онъ сказываетъ, что Египетское Масонство происходитъ отъ Эноха и Илїи; что отъ нихъ распространилось оно въ разныя части міра, но въ теченіи временъ лишилось отчасти своей чи- спо-

стопы и прежняго своего сиянія. У мущинъ превратилось оно въ одну забаву, а для прекраснаго полу, опчужденнаго отъ Масонства, почти совсѣмъ пропало. Наконецъ ревность великаго Кофта (имя, которое онъ давалъ Первоосвященному Египетскому) возвратила оному весь упраченный блескъ. — За симъ слѣдуютъ *статуты*, въ которыхъ говорится о свойствахъ, потребныхъ для принятія — о трехъ степеняхъ, о работахъ и катехизисахъ Учениковъ, Товарищей и Мастеровъ — о числѣ, изъ котораго долженъ состоять каждой классъ — о знакахъ, по которымъ они узнаютъ другъ друга — о чиновникахъ общества, о времени собранія — о судилишъ, которму надлежитъ решить распри ложь и судить преступленія братьевъ — о тѣсной связи всѣхъ членовъ и всѣхъ ложь вообще — и наконецъ о разныхъ обрядахъ, которые спрого должны быть соблюдаены при принятіи и въ собраніи ложь.

Выше сего упомянули мы о *селикомъ Кофте*. Симъ именемъ называемъ онъ учредителя или возстановителя Египетского Масонства. Калюстъ разумѣлъ подъ симъ названіемъ самого себя; то же разумѣли и всѣ ученики его. Въ сей системѣ оказывалась *великому Кофту* почти такая же честь, какъ и самому Богу. Ему приписывали властъ повелѣвать Ангелами, и призывали его при всѣкомъ случаѣ. Въ ложахъ предписано было пѣть *Тебе Бога хвалимъ* и некоторые псалмы, въ которыхъ, вместо Давида имени, упоминали всегда имя *великаго Кофта*.

Сие Египетское общество не исключало никакой Религіи. Жидъ, Кальвинистъ, Лютеранинъ и Католикъ могли быть безъ разбору принимаемы, еспѣли они только признавали бытє Бога, бессмертіе души, и были членами обыкновенного Масонства. Мужчины, достигшіе до Мастерской степени, принимали имя какого нибудь древняго Пророка; а женщины имя одной

ной изъ Сивиллъ. Каятва первыхъ
есть слѣдующая: „ Я N. N. обѣ-
щаюсь и клянусь, никогда не откры-
вать птицѣвъ, которыя будуть
мнѣ вѣрены въ семъ храмѣ, и слѣ-
по повиноваться моимъ начальникамъ. „

Женщины клялись такимъ обра-
зомъ: „ Я N. N. клянусь въ присущ-
ствіи великаго единаго Бога, моей
начальницы и всѣхъ тѣхъ, которые
здѣсь находятся, никогда не откры-
вать — ни письменно, ни слове-
сно, ни черезъ другихъ — того,
что происходить здѣсь въ глазахъ мо-
ихъ; и осуждаю себя, въ случаѣ престу-
пленія, на тѣ наказанія, которыя
предписаны въ законѣ великаго Учре-
дителя и прочихъ моихъ начальни-
ковъ. Обѣщаю также наблюдать и
другія шесть должностей, то есть,
любовь къ Богу, почтеніе къ моему
Государю, къ Религіи и законамъ,
любовь къ ближнему, совершенную
преданность къ нашему Ордену, и
слѣпое повиновеніе къ предписаніямъ
и законамъ нашихъ особливыхъ обра-

,, довоъ, которыя сообщимъ мнѣ мої
,, начальница.,,

Извѣстно, что въ обыкновенномъ
✓ Масонствѣ даютъ новопринятымъ двѣ
пары перчатокъ, одну для нихъ са-
мыхъ, а другую для женщины, кото-
рая имъ всѣхъ любезнѣе. Великой
Кофтѣ удержалъ сїе обыкновеніе, и
прибавилъ къ оному еще то, что у
женщинъ отрѣзываютъ клокъ волосовъ,
и по совершеніи принятія отдаютъ
его имъ съ повелѣніемъ, вручить оный
вмѣстѣ съ перчатками тому мужчинѣ,
котораго онъ преимущественно ува-
жаютъ. При принятіи женщины въ спе-
пень Ученническую, начальница должна
дунуть ей въ лице, говоря: „Прі-
„, имишъ сїе дуновеніе, да испина, съ
„, нами обишающая, возраспѣть чрезъ
„, оное въ вашемъ сердцѣ; да утвер-
„, дится духовное, въ васъ сущее; да
„, укрѣпится въ васъ вѣра вашихъ бра-
„, шей и сестрѣ, сообразно съ вашимъ
„, обѣданіемъ. Мы дѣлаемъ васъ испин-
„, ною дочерью испиннаго Египетскаго
„, приютія (адопціи) и ложи N. N.,

„ и хотимъ, чтобы вы отъ всѣхъ
„ братій и сестрѣ Египетскаго обря-
„ да были оною признаны, и пользо-
„ вались бы равными съ ними преиму-
„ ществами. Мы даемъ вамъ право,
„ быть отнынѣ вольнымъ Каменющи-
комъ женскаго рода и свободною. —
Когда мущина получаетъ степень То-
варища, то Масперъ говоритъ ему:
„ Силою власни, данной мнѣ отъ ве-
„ ликаго Кофша, учредиしゃ нашего
„ Ордена, награждаю васъ степенію То-
„ варища, и отдаю вамъ на сохране-
„ ніе новыя познанія, которыя пе-
„ перь мы сообщимъ вамъ въ освящен-
„ иомъ имени Геліона Меліона Тепра-
„ грамматона. — Въ книгѣ о сектѣ
Иллюминатовѣ, напечатанной въ Па-
рижѣ въ 1789 году, сказано, что сіи
послѣднія слова занялъ Калюстрон
отъ одного фиелляра, которой выда-
валъ ихъ за святыя и Арабскія, и хва-
лился дружествомъ и помощію одного
Духа, бывшаго душою Іудейскаго Ка-
балиста, которой еще до Рождества

Христова посредствомъ чародѣйства
умершвилъ отца своего.

Обыкновенные Масоны признаютъ
своимъ патрономъ Іоанна Крестителя,
и празднуютъ день онаго. Каліоспро велѣлъ еще праздновашь день
Іоанна Евангелиста (и точно въ сей
день былъ онъ взятъ въ Римъ подъ
спражу) для того, говоритъ онъ,
что опкровеніе Св. Іоанна весьма схо-
дно съ operaціями его Масонства. —
Когда мущина получаетъ степень
Маспера, то при семъ наблюдаєшъ
следующій обрядъ. Избирается невин-
ной мальчикъ или невинная дѣвочка, и
называемая голубемъ. Высокопочтен-
ной сообщаешь сему мальчику или сей
дѣвочкѣ ту власть, которую имѣлъ
человѣкъ прежде паденія, а особливо
власть надъ тиствыми Духами, тѣми,
которые окружаютъ престолъ Божій,
и управляютъ семью планетами, и
которыхъ называетъ Каліоспро Михаи-
ломъ, Рафаиломъ, Гавріиломъ, Урїи-
ломъ, и проч. Младенца приводяшъ
къ высокопостенному, и въ ту самую

ми-

минуту всѣ члены ложи начинаютъ молить Бога, чтобы Онъ позволилъ великому Кофшу употребить данную ему власть; причемъ и самъ младенецъ долженъ молиться, чтобы Богъ научилъ его поступать сообразно съ повелѣніемъ Высокопочтенаго, и быть посредникомъ между имъ и Духами. По томъ надѣваютъ на мальчика мантию особливаго покроя, съ голубою завязкою и съ краснымъ снуркомъ, и Высокопочтеннай нѣсколько разъ дуютъ ему въ лицѣ; а наконецъ запираютъ его въ *скинию храма*, обищую бѣлою матеріею. Сїя скиния есть особливое, загороженное мѣсто въ залѣ, съ одною дверью и съ однимъ окошкомъ, черезъ которое можно слышать голосъ; внутри споишь спулъ и столикъ, на которомъ горятъ три свѣчи. Тогда Высокопочтеннай повторяешь свою молитву, и начинаешь употреблять данную ему отъ великаго Кофша власть, принуждая Духовъ явиться младенцу. Когда младенецъ скажетъ, что они ему явились

лись, тогда повелѣваестъ ему Высоко-
почтенней (силою власти, данной
Богомъ великому Кофшу, а симъ
ему) спросить Ангела Анаила или
другаго, имѣетъ ли кандидатъ свой-
ства, нужныя для Маспера? Когда
же въ отвѣтъ сказано будеъ, что
онъ имѣетъ ихъ, тогда приступають
къ прочимъ обрядамъ.

Въ принятіи женщинъ въ Ма-
сперскую степень есть нѣкоторая
отмѣна. Младенцу, заключенному въ
скинѣ, повелѣвається звать только
одного Ангела, и спросить у него,
позволяется ли новопринимаемой снять
съ себя черное покрывало? Послѣ нѣ-
которыхъ другихъ суевѣрныхъ обря-
довъ приказывають младенцу при-
звать и другихъ Ангеловъ, ко-
торымъ говоритъ онъ: „Власпію, дан-
„ною великимъ Кофпомъ моей на-
„чальницѣ, и полученною мною какъ
„отъ нее, такъ и отъ моей невин-
„ности, повелѣваю вамъ, первона-
„чальнымъ Ангеламъ, взять въ свои
руки и освящить сіе украшеніе.,,

А сие украшениe состоитъ въ одѣждѣ и знакахъ Ордена, и въ вѣнкѣ, сплѣшенномъ изъ искусственныхъ розъ. Услышавъ отъ младенца, что Ангелы кончили свое дѣло, велятъ ему призвать Моисея, чтобы и онъ благословилъ упомянутое украшениe, и держалъ бы въ рукѣ розовой вѣнокъ до конца церемоніи. Послѣ сего мальчикъ опускаетъ изъ окошка одѣжду и перчатки, на которыхъ написано: *и я теловѣкъ.* Когда новопринята одѣньется, тогда предлагаютъ младенцу другіе вопросы, желая особенно увѣришься въ томъ, во все ли время церемоніи держалъ Моисей упомянутой вѣнокъ? Еспѣли сказано будеши, что онъ точно не выпускалъ его изъ рукъ, то надѣваютъ его на голову новопринятой, и по томъ опять спрашиваютъ у младенца, довольны ли Ангелы и Моисей симъ принятіемъ? — Въ заключеніе призываютъ великаго Кофта, чтобы и онъ благословилъ и утвердилъ ея принятіе; послѣ чего ложа закрывается.

Здѣсь

Здѣсь за нужное почишаю мы сказать, что хотя сей великой Кофпъ въ разныхъ мѣсахъ системы своей оказываетъ великое почтѣніе къ особѣ Патріарха Моисея, однако жъ самъ Калюстрѣ въ допросахъ своихъ добровольно признался, что онъ всегда чувствовалъ не преодолимую антипатію къ оному, за то, что Моисей вѣдь унесли у Египтянъ ихъ золотые и серебряные сосуды. Сколько ни старались доказывать ему заблужденіе его, однако жъ онъ упрямъ споялъ въ ономъ. По признанію жены его, сїя чудная Калюстрѣ ненависть къ Моисею произошла отъ того, что оной Патріархъ не являлся ему въ его призывахъ. Впрочемъ онъ всегда любилъ Жидовъ какъ душу свою, и часто говорилъ, что они всѣхъ народовъ лучше.

Масонство его, какъ мы уже сказали, имѣло дѣллю высочайшее совершенство человѣческой настуры, до котораго онъ обѣщалъ довести уч-

Никољъ своихъ посредствомъ физическаго и нравственнаго возрожденія. Чтобы произвести сїе двоякое возрожденіе, предписывалъ онъ сорокодневное уединеніе — и такимъ образомъ:

Кто хочетъ достигнуть до нравственнаго возрожденія, тошъ долженъ выбратьъ весьма высокую гору, и назвать ее Синаемъ. На вершинѣ ея надобно построить домъ въ три эпажа, въ образѣ павильона, и назвать его Сіономъ. Самая верхняя комната должна имѣть форму четырехугольника и быть длиною въ 18 футовъ, съ четырьмя овальными окошками и съ западнею. Комната средняго эпажа должна быть совершенно круглая, безъ оконъ, и такой величины, чтобы могли успавиться въ ней тринацдцать кроватей. Одна лампада, висящая въ сердинѣ, освѣщаетъ ее, и никакихъ не нужныхъ вещей въ ней не находится. Сїя впорая комната называется Арапомъ, то есть, именемъ той горы, на которой остановился Ноевъ

ковчегъ, въ знакъ спокойствія, предъ
ославленнаго отъ Бога избраннымъ Ма-
сонамъ. Нижняя комната служитъ
споловою. Вокругъ ее должны быть
три комнаты, изъ которыхъ двѣ
служатъ къ храненію съѣстныхъ при-
пасовъ, а въ третій лежатъ орден-
скія одежды и знаки, вмѣстѣ съ
орудіями Масонства и искусства по
предписаніямъ Моисеевымъ.

Тринадцать Мастеровъ, съ нуж-
ными съѣстными припасами и оруді-
ями, запираются въ семь павильоновъ
на 40 дней, и занимаются Масонски-
ми работами по предписанному поряд-
ку. Шесть часовъ определены на раз-
мышленіе и покой, три на молитву,
девять на святых упражненія, соспо-
ящія въ приготовленіи пергамента
и въ освященіи другихъ орудій, а
послѣднія шесть на бесѣду и воз-
становленіе нравственныхъ и фи-
зическихъ силъ. По прошествіи 33 го-
дня сіи заключенные Мастера будуть имѣть часіе видимо обходить-

ся съ семью старѣйшими Ангелами ;
и узнатъ петь и тайныя шифры
каждаго изъ сихъ бессмертныхъ су-
ществъ. Сею печатью и сими шиф-
рами означають Ангелы тонкой пер-
гаментъ , которой долженъ бысть
сдѣланъ или изъ кожи нерожденаго
ягненка , очищенной шелковою маше-
ріею , или изъ младенческаго жѣста
Жидовки. Сія небесная благосклон-
ность продолжится до сорокового дня ,
въ которой , по совершенїи работы ,
каждой изъ нихъ начнетъ наслаждаться
плодами сего уединеннаго пребыва-
нія. Каждой получитъ для себя пяти-
угольникъ , или часть тонкаго пер-
гамента , на которомъ старѣйшіе
Ангелы изобразили свои шифры и пе-
чать. Имѣя сіе , духъ его безъ по-
мощи смертнаго наполнился боже-
ственнымъ огнемъ , и тѣло его сдѣ-
лается такъ чисто , какъ тѣло не-
виннаго младенца. Умъ и сила его
будутъ безпредѣльны , и онъ успре-
мится всею душою къ совершенному
покою и бессмертию , чтобы по томъ

сказать о самомъ себѣ: *Ego sum qui sum* (я тотъ, который есмь).

Кромѣ упомянутаго, получитъ онъ еще семь другихъ *святыхъ пятиугольниковъ*, которые можешъ раздать любезнѣйшимъ ему людямъ обоего пола. Сїи пятиугольники запечатлѣны только однимъ изъ семи Ангеловъ; пошому обладающіе оными могутъ повелѣвать только однимъ изъ семи Ангеловъ, и не во имя Божіе, такъ какъ обладающій первымъ пятиугольникомъ, а во имя Мастера, который далъ имъ оный, и они могутъ дѣйствовать только его силою. Теперь посмотримъ мы, какимъ образомъ совершается физическое возрожденіе, черезъ которое человѣкъ или достигаетъ до духовной жизни 5557 лѣтъ, или тѣлесную жизнь свою можешъ продлить весьма долго, пока Богу угодно будешъ призвать его къ Себѣ. Кто спремишся къ сему совершенству, тотъ долженъ каждыя *пятнадцати лѣтъ*, въ полнолуние Мая мѣсяца, уда-

лять-

ляться съ другомъ своимъ въ деревню, запираясь тамъ въ одну комнату, и не єсть ничего, кроме легкихъ суповъ и чистительныхъ травъ, а пить дисципилированную, или въ Маѣ собранную дождевую воду. Всякой обѣдъ долженъ начаться жидкимъ пѣломъ или питьемъ, а кончиться твердымъ пѣломъ, то есть сухарями или хлѣбною коркою. Въ седьмой день сей уединенной жизни потребно ему пустить себѣ кровь и принять нѣкоторыя бѣлыя капли (которыхъ составленія Калѣостро не описываетъ), шесть по упру и шесть ввечеру; и сїе число надобно всякой день умножать двумя, пока ихъ будетъ 32. Тогда при началѣ дня онъ опять пуститъ себѣ кровь; а въ слѣдующій день лжетъ въ поспелю, и приметъ гранъ *первой матерii*, которая есть Богомъ созданное средство дѣлать человѣка безсмертымъ; мы послѣ грѣхопаденія нашего лишились сего средства, и можемъ получить его не иначе, какъ по особливой милости

Вѣчнаго и черезъ Масонскія операціи. Принявъ сей гранъ первой матеріи, человѣкъ на при часа лишаєтсѧ памяти и языка. Въ немъ видны конвульсіи и сильное испареніе. Когда же онъ придетъ въ себя, тогда должно его перенести на другую поспелю и дать ему мясной, не жирной бульйонъ, смѣшанной съ разными освѣжающимиправами.

Когда сїе средство укрѣпить его, то въ слѣдующій день надобно дать ему другой гранъ *первой матеріи* въ чашкѣ бульйона, которой не только будешъ имѣть дѣйствіе первого грана, но причинишъ еще и сильную лихорадку съ беспамятствомъ; при чемъ луничится кожа, выпадаютъ зубы и выходятъ волосы. Въ слѣдующій 35 день, когда силы больнаго позволяютъ, онъ долженъ мыться въ теплой водѣ, а въ 36 день принимаетъ третій и послѣдній гранъ *первой матеріи*, и засыпаетъ сладкимъ и покоинymъ сномъ, во время котораго снова выроспаютъ его волосы, зубы и кожа.

Про-

Пробудившись самъ собою, моется онъ въ ароматическихъ трахахъ, а по томъ въ простой водѣ, смѣшанной съ селишрою; послѣ чего одѣваєтсѧ и начинаешь ходить по комнатахъ. Въ 39 день принимаешь десять капель Калѣострова бальзаму въ двухъ ложкахъ краснаго вина; а въ сороковой выходитъ изъ дома, будучи молодъ и совершило здоровъ. — Такая же метода предписывается и женщинамъ для нравственнаго и физического возрожденія. При физическомъ повелѣвается имъ удаляться на гору или въ деревню, съ однимъ другомъ, кото-рой долженъ помогать имъ въ шѣлесномъ леченіи.

Таково есть Египетское Масонство; однако жъ надобно признаться, что мы для краткости, взятої нами за правило, предложили читателямъ нашимъ одинъ только скелетъ. Впрочемъ кромъ вздору и нелѣпостей ни-чего не льзя найти въ сей системѣ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Какимъ образомъ Калюстро распространилъ свое Египетское Масонство (*).

Калюстро, сочинивъ посредствомъ Кофпова манускрипта Египетскую свою систему, поѣхалъ въ Гагу, гдѣ Масоны такъ называемаго *строгаго наблюденія* (*von der strengen Observanz*) ввели его въ свою ложу. Онъ былъ принятъ подъ такъ называемыемъ *спальнымъ* сводомъ, то есть, долженъ былъ пройти черезъ два ряда Масоновъ, которые крестообразно держали надъ нимъ шпаги свои. Онъ занялъ Предсѣдашельское мѣсто, какъ высокопочтенной Визишапоръ, и говорилъ рѣчъ о Египетской своей системѣ, которая, по его словамъ, очень тронула слушателей. — Калюстро говоритъ, что всѣ рѣчи, говоренные имъ въ ложахъ, были определено поучительны и прогательны.

дол-

(*) Я сокращаю сюю главу, и перевелъ только то, чѣо мнѣ казалось интереснымъ. К.

должались часъ, два и три часа, и заключали въ себѣ всѣ духовныя и свѣтскія науки. Онъ приписываетъ сїе особливой Божіей къ нему милости, и увѣряетъ, что слушатели спаравались всегда ихъ списывать, и хранили очи якъ драгоцѣнную пищу своей вѣры. — Въ Ниренбергѣ пришелъ къ Калюстру одинъ дворянинъ, и черезъ обыкновенные знаки далъ о себѣ знать, что онъ Масонъ. Калюстро отвѣчалъ ему такими знаками, которые заставили сего дворянина думать, что онъ есть нечто великое въ Масонствѣ; и когда Калюстро вмѣсто своего имени написалъ ему вышеупомянутую змѣю, то Нѣмецъ почелъ его невидимымъ Мастеромъ Ордена (обладающимъ великимъ таинствомъ божественной Кабалы, и скрывающимъ себя для того, чтобы не подвергнуться судьбѣ Великаго Мастера Кавалеровъ Храма), и подарилъ ему брилліантовой перстень.

Въ Лейпцигѣ нашелъ Калюстро Масоновъ строгаго наблюденія, ко-

рые его весьма уважали и почитали великимъ знамокомъ въ Гермесическомъ искусствѣ. Они дали ему обѣдъ, въ кошоромъ бузылки, блюда, рюмки и прочія вещи предспавляли вездѣ уважаемое ими число *три*. Впрочемъ онъ не весьма учтиво съ ними обходился, порочилъ ихъ Магическую систему, и грозилъ имъ, что еслъли они не отстанутъ отъ нее, то рука Божія чрезъ мѣсяцъ накажетъ ихъ начальника Шаффорта (*). — О пребываніи его въ Мишавѣ мы уже говорили. Довѣренность Курляндскихъ дворянъ къ сему обманыщику произошла отъ того, что Шаффортъ, которому онъ въ Лейпцигѣ предсказалъ его нещастіе, скоро по отъѣздѣ его заспрѣлился. Въ ложахъ говорилъ онъ тамъ рѣчи о бытіи Бога и безсмертїи луши, и черезъ невинныхъ мальчиковъ

и

(*) Сей Шаффортъ есть извѣшнай Шрепферъ, и Калюсшро преврашилъ его въ Шаффорта по сбыкновенному своему неувѣжеству.

и девочекъ призывалъ мертвыхъ и
угадывалъ, чѣо у кого дѣлалось въ
домѣ, и проч. и проч. Въ послѣдній
вечеръ пребыванія своего въ Мипавѣ
увѣщевалъ онъ учениковъ своихъ вѣ-
ровать въ Бога и въ Папу, и про-
рочествовалъ, чѣо нѣкоторая девуш-
ка скоро выдетъ за мужъ. — Въ П.
познакомился онъ съ Масонами *страгаго* и *высокаго наблюденія*, и узналъ
отъ нихъ, чѣо ими управляетъ одинъ
Гишпанецъ, именемъ Томасъ Химе-
несъ, котороїѣездилъ по Европѣ и
собираетъ деньги. Калюспро гово-
ритъ, чѣо онъ нѣсколько разъ съ
нимъ вспрѣчался, и чѣо сей Гишпа-
нецъ часто перемѣняетъ имя свое.

— Въ Варшавѣ нашелъ Калюспро
довольно учениковъ, которыми онъ
разными пророчествами старался до-
казывать свою великость. „Я угады-
валъ будущее (говоритъ Калюспро)
„по Небесному вдохновенію, хопя
„ученики мои и думали, будто я уз-
„наю оное по Кабалѣ и сверхъ бесспе-
„спѣснной наукѣ; мнѣ же не разсу-

„дилось выводить ихъ изъ сего за-
блужденія.”

Отправившись изъ Варшавы въ Стразбургъ, прожилъ онъ два дни во Франкфуртѣ на Маинѣ. Тутъ случилось съ нимъ чудное приключеніе, говорить онъ, которое разскажемъ мы собственными его словами. „Въ Франк-
фуртѣ познакомился я съ Госпо-
диномъ N. N. и Господиномъ N. N.,
начальниками или Архивистами Ма-
сонаства строгаго наблюденія. Они
пригласили меня къ себѣ пить кофе,
и я сѣлъ къ нимъ въ карету, не
взявъ съ собою ни жены своей, ни
слуги. Мы отѣхали отъ города
версты три, остановились и во-
шли въ сельской домикъ, гдѣ напи-
лись кофе, и по томъ пошли въ
садъ. Тамъ сдѣланъ былъ гротъ съ
подземельнымъ сводомъ, въ которой
они, зажегши свѣчу, свели меня по
крыльцу, состоящему изъ 15 спу-
ней. Въ серединѣ свода споялъ
сполъ, и подъ споломъ сундукъ;
они ~~оп~~крыли его, и между множе-
ствомъ

„спвомъ бумагъ нашли и вынули пись-
„менную книгу, копорая такъ начи-
„налась: мы великие Мастера Кава-
„леровъ Храма, и проч., а за симъ
„следовала ужасная клятва, копорую
„я уже забылъ. Сія клятва писана
„кровью, и сверхъ моей шифры,
„стоявшей въ началѣ, подписана один-
„надцатью руками, и также кровью.
„Выключая упомянутыхъ N. N. N. N.
„N. N. N. N. N. не помню я всѣхъ
„именъ; но ихъ было двѣнадцать —
„для того что у Иллюминатовъ, или
„Масоновъ строгаго наблюденія, бы-
„ваетъ всегда двѣнадцать Мастеровъ;
„но моя шифра была написана не мо-
„ею рукою, и мнѣ не известно, какъ
„она туда зашла. Я узналъ отъ
„нихъ, что упомянутой Хименесъ есть
„одинъ изъ главныхъ Иллюминатовъ,
„и что общество имѣетъ много де-
„негъ въ Амстердамскомъ, Роттер-
„дамскомъ, Лондонскомъ, Генуэзскомъ
„и Венецианскомъ банкахъ; и что оно
„состоитъ изъ 18000 членовъ, раз-
„дѣленныхъ на 2000 ложъ, изъ ко-

то-

„ торыхъ каждаа ежегодно присылаешъ
„ 25 луидоровъ въ общую казнохрани-
„ шельницу. Они подарили мнѣ боо луи-
„ доровъ, и сказали, чтобы я всегда
„ надѣялся на ихъ помощь.,, — Правда
ли сїе или нѣшъ, мы не знаемъ; но
Каліоспро нѣсколько разъ подтвер-
ждалъ свое показанїе.

Въ Ліонѣ основалъ онъ главную
ложу, подъ именемъ *побѣждающей*
мудрости, и каждой изъ членовъ ея
получилъ отъ него патентъ слѣдую-
щаго содержанія:

Слава. Мудрость.

Согласіе.

Благодѣтельность. Блаженство.

„ Мы великой Кофто, учреди-
„ тель и великой Масперъ высокаго
„ Египетскаго Масонства во всѣхъ вос-
„ точныхъ и западныхъ странахъ
„ земли, объявляемъ всѣмъ тѣмъ, ко-
„ торые будутъ читать сїе писаніе,
„ что во время пребыванія нашего въ
„ Ліонѣ, по желанію многихъ членовъ
„ обыкновенного Масонства, составляв-
„ щихъ ложу *мудрости*, и по власпи,

,, дан-

„данной намъ свыше, учредили мы на
„востокъ сего города Египетскую ложу
„на вѣчные времена, да будеъ оная
„главною ложею во всѣхъ восточныхъ
„и западныхъ земляхъ, подъ именемъ
„побѣждающей мудрости; и жалуемъ
„великимъ Масперомъ или Высокопоч-
„щеннымъ брата N. N., Ришоромъ N. N.,
„Хранителемъ печати N. N., главнымъ
„Надзирашелемъ N. N. и проч. Симъ
„чиновникамъ даемъ мы право держать
„ложу, принимать Учениковъ, Това-
„рищай и Масперовъ, имѣть перепи-
„ску со всѣми Масонами Египетского
„обряда, учреждать ложи, и проч.
„Повелѣваемъ имъ имѣть попеченіе о
„строгомъ исполненіи нашихъ зако-
„новъ, нами подписанныхъ и запеча-
„щенныхъ; и каждого изъ братій про-
„симъ постоянно шествовать узкимъ
„путемъ добродѣтели, и добрыми
„поступками своими доказывать, что
„онъ знаетъ цѣль нашего Ордена. —
„Сей патентъ подписали мы соб-
„ственnoю рукою и запечатали пе-
„чатью, данною нами сей материко-

, жъ, равно какъ и нашею Масонскою
,, свѣтскою печашью. — Дано на вос-
,, токъ Ліона.,, — Между бумагами
его нашли нѣсколько экземпляровъ
сего пашенпа. Они вырѣзаны на
мѣди, и украшены вѣнкомъ, съ из-
ображеніемъ циркуля, молотка, семи-
угольника, треугольника, мерцвыхъ
головъ, камней, Іаковой лѣсни-
цы, феникса и прочаго, и съ раз-
ными надписями. на прим. просите,
и дастся вамъ; толците, и отвер-
гнется вамъ, и проч.

Въ Парижъ основалъ онъ велико-
лѣпную ложу, и будучи самъ ся Ма-
стеромъ, говорилъ рѣчи и дѣлалъ
извѣстные опыты надъ младенцомъ.
Тушъ, по словамъ Калюспровымъ,
одинъ случай весьма его прославилъ.
Мы сообщимъ здѣсь собственное его
показаніе. Одинъ изъ учениковъ Кал-
юспровыхъ присступалъ къ нему, чтобы
онъ соединилъ свои ложи съ ложами од-
ного Господина (*), которой надѣялся
играть

(*) Герц. Орл.

играть во Франціи великую роль. Наконецъ въ одинъ вечеръ сей Господинъ пришелъ къ нему самъ, и сдѣлалъ ему то же предложеніе. Они вошли въ разговоръ о своихъ системахъ, но никто изъ нихъ не хотѣлъ уступить первенства другому. Калюспро смѣло вызвался доказать ему божественность своей Египетской системы, и требовалъ, чтобы онъ привелъ къ нему какого нибудь невиннаго мальчика или девушку. Перваго сыскали, и послѣ обыкновенныхъ призываний и молитвъ, мальчикъ, смотрящій на поставленную передъ нимъ бутылку, закричалъ, что онъ видитъ домъ упомянутаго господина; что передъ нимъ стоитъ одинъ человѣкъ (котораго онъ наименовалъ), держитъ въ руکъ письмо и хочетъ войти въ ворота. Господинъ поѣхалъ топчасъ домой, и узналъ, что мальчикъ говорилъ правду. — — Калюспро увѣряетъ, что Парижскіе ученики его, имъ ослѣпленные, хотѣли навсегда удержать его у себя, какъ великаго Маспера Ордена,

на, и посредствомъ Двора писать къ Папѣ и къ Коллегіи Кардинальской, чтобы Египетской Орденѣ, подобно Нѣмецкому, Мальтѣйскому и другимъ рыцарскимъ Орденамъ, былъ утвержденъ Папскою Буллою, и чтобы ему поручено было обращать Протестантовъ. Для сего положено было купить особливой домъ, въ которомъ бы могли жить великой Мастеръ и другие чиновники. Но сіе намѣреніе не исполнилось, ибо Калостра взяли тогда въ Бастилью. Получивъ свободу, былъ онъ выгнанъ изъ Парижа и жилъ въ деревнѣ Пасси, гдѣ посѣщали его многіе люди, между которыми былъ и упомянутой Хименесъ, вмѣстѣ съ другимъ великимъ Иллюминишономъ. Они открыли ему, что начальники ихъ взяли на себя отмстить за Кавалеровъ Храма, и что намѣренія ихъ устремлены противъ Франціи, Италіи, а особенно противъ Рима. Когда же онъ въ Буронѣ сѣлъ на корабль, то болѣе пяти тысячъ человѣкъ провожали его, желая

желали ему щастливаго пути, и требовали его благословенія. По собственному его признанію, не усомнился онъ дать сїе благословеніе. Впрочемъ онъ всякой день изустно и письменно благословлялъ учениковъ своихъ. — Въ Лондонѣ принялъ его Масоны съ великими почестями; но эксперименты съ мальчиками были не очень удачны; потому что имъ вмѣстѣ Ангеловъ являлись обезьяны, чему Калюстроп не могъ надивиться. Въ самое же сїе время, къ удовольствію своему, получилъ онъ извѣстіе отъ своихъ Ліонскихъ учениковъ, что работы ихъ идутъ очень усиленно, и что однажды явился онъ (Калюстроп) мальчику въ собственномъ лицѣ своемъ, окруженный облаками, между Енохомъ и Ильею. — Въ Базель основалъ онъ Египетскую ложу, и далъ ей имя Швейцарской матери-ложи. Со всѣми надлежащими церемоніями принялъ онъ въ члены ея многихъ изъ шамошнихъ жителей, и Господина Н. Н. съ женою его пожаловалъ въ

С

ра-

работающе Мастера, назвавъ ихъ Maitres agissans. Живя въ Стразбургѣ, часто ъездилъ онъ въ Базель, и сказываетъ, что на землѣ, принадлежащей къ сему городу, онъ построилъ павильонъ или Кипайской домикъ, въ которомъ надлежало производить физическое и нравственное возрожденіе. Сѣ зданіе, по словамъ его, и теперъ еще цѣло, и находится въ такомъ уваженіи, что мимоходяще оказывавшемъ ему родъ священнаго почтенія, почившая оное за мавзолей Графа Ка-лѣоспра. — Мы не можемъ сказать ничего примѣчанія достойнаго о пребываніи его въ другихъ городахъ, до самаго прїѣзда его въ Римъ.

Въ семъ послѣднемъ городѣ обстоятельства его были очень не хороши. Съ одной стороны боялся онъ бдительности Правительства, а съ другой спороны угнѣпалъ его недѣшатокъ въ деньгахъ. Узнавъ, что въ Римѣ есть ложа, познакомился онъ съ членами ея, но не хощелъ быть въ ихъ собраніяхъ; однако жъ часто обѣдалъ

валъ съ ними, и разговаривалъ дру-
жески о своемъ Египетскомъ Масон-
ствѣ. Они стали просить его, чтобъ
онъ принялъ ихъ въ свой Орденъ, и
Калюсшро далъ имъ читать книгу,
содержащую въ себѣ систему его,
при чёмъ онъ изъяснялъ имъ свои
тайнства; а за сё они называли его
отцомъ и Мастеромъ своимъ.

Между тѣмъ продолжалъ онъ
переписку съ иностранными ложами и
учениками. Между прочими нашлись
у него письма къ одному Парижскому
жителю, котораго онъ просилъ до-
справлять къ нему деньги отъ нѣкото-
раго знашнаго господина, и за сїю
услугу обѣщалъ его пожаловать *Гене-
ралъ - викаріемъ*. Однако жъ сихъ де-
негъ онъ не получилъ, и вѣдумъ
учредиши въ Римъ женскую ложу; но
скоро оставилъ свое намѣренїе,
увѣрившись, что Римскія женщины
или не имѣютъ денегъ, или не рас-
положены отдавать ихъ обманщикамъ.

Двое изъ здѣшнихъ жителей при-
ступали къ нему, чтобы онъ сооб-

щилъ имъ Египетскую свою науку. Одинъ былъ богатъ, а другой носилъ на пальцѣ перстень, котоrой очень полюбился Калюспро; но онъ не зналъ, что сей перстень былъ изъ фальшивыхъ камней. Желаніе ихъ исполнилъ Калюспро такимъ образомъ. Въ одинъ вечеръ привелъ онъ ихъ къ себѣ въ спальню, и сказалъ имъ, что для доспиженія высочайшей степени въ Египетскомъ Масонствѣ, надлежитъ имъ прежде пройти нижшія степени, и что онъ одинъ имѣетъ въласть освободить ихъ отъ непрѣятныхъ обрядовъ принятія. Какъ Мастеръ высочайшей ложи, примолвилъ онъ, дѣлаю васъ Учениками, Товарищами и Мастерами обыкновенной ложи; и теперь вы можете быть приняты въ мою высочайшую ложу. Послѣ сего читалъ онъ рѣчъ о собственномъ своемъ Масонствѣ, обнажилъ шпагу, велѣлъ имъ спать на колѣни и поднявъ вверхъ правую руку. Въ семъ положеніи клялись они быть молчаливыми. По томъ Калюспро шопнулъ три

три раза ногою, три раза ударилъ
ихъ шпагою по правому плечу, полу-
жилъ руки свои имъ на голову, ду-
нуль имъ въ лице, и сказалъ: „Си-
„лою, данною мнъ отъ Вѣтнаго, вѣ-
„хаю въ васъ мою и Соломонову муд-
„роспь, и обѣявляю васъ Масонами,
„Герметиками, Пиѳагорейцами и Еги-
„птянами.“ Тушъ показалъ онъ имъ
свою книгу; но они не захотѣли чи-
тать ее, для того что она пахла
бальзамомъ. Въ другихъ вечернихъ
свиданіяхъ онъ открылъ имъ, что
будучи увѣренъ въ безполезности
обыкновенныхъ ложъ, основалъ онъ
особливую, въ которой, какъ вер-
ховный Мастеръ, сообщаетъ братъ-
ямъ своимъ приобрѣтенные въ Егип-
тѣ знанія, которыхъ главный пред-
мѣтъ есть *первая матерія* и превра-
щеніе металловъ, посредствомъ коего
собралъ Соломонъ такое множество
золота, какъ то видно изъ Св. Писа-
нія; что его искусство есть *искусство*
искусствъ; что ему одному предостав-
лены тайны механических художе-
ствъ,

ства, и что онъ одинъ можетъ сказать: *multi sunt vocati, pauci vero electi* (много званныхъ, а мало избранныхъ). Но какъ дошло дѣло до заплаты за пашентъ, то сїи господа поклонились Калюсчу и ушли отъ него. И такъ сей обманщикъ, которой почти во всѣхъ земляхъ Европы дурачилъ людей, не могъ за Масонство свое получить въ Римъ ниже фальшиваго перстня (*)!

Тогда побоялся онъ, чтобы они не донесли на него Правительству. Сїе заспавило его броситься въ ноги къ духовнику и признаться ему въ своихъ преступленїяхъ; но сїе признаніе было такъ же искренно, какъ и въ Тріенѣ. Наконецъ узлавъ, что его хотятъ брать подъ стражу, увѣнчалъ онъ Масонскую исторію свою циркулярнымъ письмомъ ко всѣмъ своимъ и обыкновеннаго Масонства ложамъ. Калюсчъ говорилъ, что онъ требовалъ ихъ помощи и заслуженія въ

(*) Слава и честь Римскому просвѣщенню!

ѣ случаѣ его заключенїя. Но еспѣши
вѣришь двумъ человѣкамъ, копорымъ
онъ показывалъ сїе письмо, то одинъ
изъ нихъ говоришъ, что Каліоспро
прощался вѣ ономъ съ братьями, и
напоминалъ имъ должности ихъ; а
другой утверждаетъ, что онъ по-
мѣльвалъ имъ на все оправдаться для
его освобожденїя, и вѣ нужномъ слу-
чаѣ зажечь замокъ Св. Ангела, или домъ
Инквизиціи.

Вотъ краткое извлеченїе изъ Калі-
оспровой Масонской испорїи, вѣ ко-
торомъ слѣдовали мы по большой ча-
сти собственнымъ его показаніямъ,
приводя оныя вѣ нѣкоторой порядокъ
съ главными обстоятельствами.

XII

НОЧЬ.

Явился, прекрасное свѣтило но-
чи, явился на лазурномъ сводѣ, и
пролей серебряные лучи свои на ши-
хую долину! Разсѣй ночные тѣни и
спрахъ любезной Хлои, идущей къ

своему другу, — да не боится она ни звѣря хищнаго, коварно спрѣгущаго своей добычи, ни тернія колючаго, шаящагося во мракѣ!

Кристальныи ручеекъ, рѣзво текущій по зеленому лугу, и тонкою пѣною своихъ маленькихъ волнъ окропляющій голубые цвѣточки и мягкую травку красивыхъ бережковъ своихъ! журчи, шуми въ изгибахъ блестящихъ, и будь веселымъ вождемъ любезной Жлои, идущей къ своему другу! Здѣсь, на муравѣ орошенной, дожидаешься онъ прихода ея.

Дышите, дышите ароматами, фюли ночные! Цвѣтущія древа! пипайте воздухъ своими сладкими испареніями! Каждая травка курись благованіемъ! я жду моей любезной.

Пой не умолкая, первѣйшій изъ пѣвцовъ крылатыхъ! Изъ шона въ шонъ да возвышаешься пѣснь твоя! Безмолвныя рощи внимаютъ тебѣ: да услышишь тебя моя любезная, и волшебныя трели твои да привлекутъ се въ мои отверстия обѣяція!

Ночь

Ночь тиха и прекрасна, подобно
шой, въ которую щемомудренная Диа-
на на горѣ Карийской узрѣла въ пер-
вый разъ нѣжнаго Эндиміона, въ слад-
комъ сиѣ погруженаго, и опушивъ
въ сердцѣ свое мѣръ любви, допо-
лѣ ей неизвѣстный, ниспустилась съ
высоты небесной, и девственными
устами своими подѣловала щастлива-
го юношу.

Взоры мои обѣмлють все про-
странство долины. Тамъ, на отда-
ленномъ холмикѣ, за пальмовой ро-
щай, чернеющія хижина доброго Ака-
спа, въ которой странники нахо-
дятъ ошдохновеніе, бѣдные помощь,
печальные отраду. Тамъ сѣдой спа-
рецъ, Небу любезныи, провождаетъ
щастливые дни свои среди дѣтей,
въ добродѣтели ему подобныхъ. Те-
перь покойный сонъ смыкаетъ его вѣж-
ди, и въ свѣтлой душѣ его, отъ чув-
ственныхъ узъ освобожденной, со-
зерцаются поля Елисейскія, поля bla-
женства, со всѣми радостями, ко-

шорыя нѣкогда будутъ наградою пра-
вопы его.

Тамъ, въ тѣмной зелени высо-
кихъ елей, блѣдѣтъ памятникъ не-
щастной Филлиды. Она была пре-
красна; но гордясь своимъ безспра-
спіемъ, презирала любовь, и никто
не наслаждался ея красотою. Печаль-
но цвѣла юность ея, подобно розѣ,
въ пустынѣ распущей: восходимъ
румяная заря, и видя горестное уеди-
неніе алой царицы, лѣтѣ слезы со-
жалѣнія на нѣжныя листочки ся; увя-
нѣшъ роза, и спранникъ скажетъ:
на что цвѣла она въ пустынѣ? Увяла
нѣщастная Филлида, и паспухъ, бро-
сая цвѣтокъ на ея могилу, сказалъ:
на что цвѣла она? Засверкали слезы
въ глазахъ его; онъ вздохнулъ, и
тихими шагами пошелъ опѣ сего мѣ-
ста, преклоня голову къ спѣсенной
груди своей. Печальное воспоминаніе!

Тамъ, между миртами, возвы-
шаєтъся алтарь, Любви посвященный,
на котрому никогда не увядаютъ
вѣнки, щастливыми любовниками на
него

кого полагаемые. Тамъ въ первый разъ увидѣлъ я Хлою; тамъ въ первый разъ отъ спраснаго взора моего расцвѣли розы любви на лилейныхъ щекахъ ея; тамъ въ первый разъ . . . Но я слышу тихой шорохъ въ кустахъ лавровыхъ — Хлоя! . . . Нѣтъ, это бѣлой кроликъ, зефиromъ пробужденный. Но скоро она будешъ: зефиръ всегда вѣшъ передъ нею.

Высоко взошелъ лесный мѣсяцъ; свѣтло блестаетъ журчащий ручей въ своемъ течениѣ; дерева, дѣвѣты и прапы изливаютъ свою амброзію; громко поетъ соловей на вѣтви розмаринной. — Сердце мое бѣстится; я смотрю и слушаю — шорохъ приближается — раздѣляются вѣтви — вечерняя роса обливается меня — и Хлоя въ моихъ объятіяхъ.

Радость, восхищеніе, сладостное безмолвіе — руки наши сплелись — уста трепещутъ, слипаются — я прижимаю Хлою къ горячей груди моей — она иена къ своей прижимаешь — густой иракъ покрываетъ мои гла-

глаза — тонкое пламя обнимаетъ все существо мое, переливается изъ нервы въ нерву — ноги мои подгибаются — я плаваю, утопаю въ сладостяхъ — забываю самого себя — душа моя соединяется съ душою Хлои — замираетъ — и мы лишаемся чувства. . . . Но богъ любви, копорой невидимо носился надъ нами, ниспупствился, и свѣтильникомъ своимъ возжегъ во внутренности нашей потухшій огонь жизни — тяжелый вздохъ вылетѣлъ изъ моего сердца, изъ ся сердца, и мы пришли въ себя — Купидонъ улыбнулся, и воспарили на вершину Олимпа.

Хлоя устремляетъ на меня томный взоръ свой; двѣ слезы капляются изъ глазъ ея — она опускаетъ голову на грудь мою — легкой вѣтерокъ провѣваешь ея русые волосы — миры осыпаютъ насъ млечнымъ двѣпполь своимъ — душа моя освѣжается — утихаешь волненіе въ крови моей — сердце мое покойно и весело — я обнимаю Хлою, питаю взоры свои откры-

крышими ся прелестями, и благословляю Любовь всемогущую.

Любовь, Любовь, причина и цѣль жизни нашей! блаженъ, удостоенный твоихъ благодѣній! Блаженъ, кто въ цветущихъ лѣтахъ своихъ находитъ себѣ нѣжную подругу, тобою украшенную! Блаженъ, кто вкушаетъ всю сладость, изливаемую тобою на жизнь смертныхъ! Блаженъ --- Но сонъ прикасается ко мнѣ маковымъ стеблемъ своимъ, и я засыпаю вмѣстѣ съ мою любезною — крылатыя мечты шумятъ надо мною, и готовялъ мнѣ новые прѣятности.

— №3.

XI.

О СУЖДЕНИИ КНИГЪ (*).

Судей есть два рода: отъ власти опредѣляемые или избираемые.

Не

(*) Сія піеса прислана ко мнѣ изъ Петербурга при слѣдующихъ срокахъ: „Угодно вамъ „бы-

Не принадлежащіе къ симъ двумъ сущимъ самозванцы. Не судите, да не судимы будеме (*). — Въ разсужденіи выдаваемыхъ сочиненій и переводовъ, въ разныхъ государствахъ нѣкоторыя ученыя общество согласились обѣявлять публикѣ свои мнѣнія. Собраніе ученыхъ конечно здравѣе судишь можешь, межели одинъ человѣкъ, обуреваемый спраскою гордости, самомнѣнія, зависти, и пр. Но и самыя сїи общества весьма часто ошибаются въ ихъ суж-

де-

„ было въ Январѣ въ сяцѣ Московскаго „ Журнала помѣшишь реценсію на переводъ „ Палефаша: надѣюсь отъ вашего безпри- „ спраслія, что не ошкажеше и въ помѣщеніи „ ніи влагаемаго здѣсь возраженія. „ — Я съ великимъ удовольствіемъ помѣщаю оное, желая, чтобы критика и анти-критика приносила пользу нашей лиштературѣ. — К.

(*) Но не уже ли вы хошише, чтобы совсѣмъ не было критики? Что была Нѣмецкая лиштература за тридцать лѣтъ передъ тимъ, и что она теперь? И не строгая ли критика произвела ощаслиши то, что Нѣмцы начали такъ хорошо писать? — К.

деніяхъ (*), какъ-то опытъ разныхъ вѣковъ доказалъ. Частныхъ людей суждения, въ Газетахъ, Журналахъ и пр. сообщаемыя, никогда отъ людей умныхъ уважаемы не были (**): извѣстно, что они за подарки испоющеваютъ всѣ хвалы; по приспрашію, самолюбію, личной ссорѣ или зависи, выискиваютъ всѣ способы унизить труды чужды. Г. Сумороковъ содѣлся судію Г. Ломоносова; на его птворенія писалъ крипiku Г. Тредїаковскій: по-помѣщо узнавъ, что зависть была причиною ихъ суждения, осудила обоихъ. Когда Г. Ломоносовъ не избѣжалъ хулы, такъ переложившему Пас-

ле-

(*) Цѣлое общество не можешъ писать рецензіи на сочиненіе или переводъ; пишешъ ее всегда одинъ человѣкъ, хотя и подъ именемъ общества. — К.

(**) Для чего, ешьли онѣя справедливы? Одинъ человѣкъ можешъ сказать: Это хорошо, это дурно — скажешь безприспрашно, и не ошибишься. По крайней мѣрѣ не всѣ писали за подарки истощеваютъ хвалы. — К.

лефаповы сказанія, человѣку покмо
еще въ числѣ не важныхъ писателей
вступающему, можетъ ли быть до-
садно сужденіе его трудовъ? — Но
насмѣшки и выраженія, самомнѣніемъ
пріявшаго на себя званіе суди запе-
чательнины, обидны. Объявляющій
своє мнѣніе долженъ соблюдать учши-
вость, благопристойность (*), кро-
щость. Каково бы показалось, если бы
ли бы кто выписалъ мѣлочи изъ
труднаго и конечно хорошаго перево-
да Виргилевой Энеиды (**), на пр.
*Кто Коссе тя, кто тя Катоне прев-
молтитъ* — три Эбрѣ — скваж-
на — океане вмѣсно океанъ, для
рие-

(*) Или я грубо ошибаюсь, или въ реценсіи на
Палефаша нѣтъ никакой неучтивости и
неблагопристойности; иначе я не помѣшилъ
бы ее въ Москов. Журналъ. — К.

(**) Переводъ Энеиды не имѣшъ никакой свя-
зи съ реценсію на Палефаша: въ семъ мо-
гу я увѣришь Особу, писавшую возраженіе.
Многія фамиліи начинаются съ одной бук-
вы. — К.

риемы съ Гролне — Гелена вмѣсто Елена — или ошибки правописанія; созѣриавај в. созерцавая; или ее вм. род. ел — либо странность риомы: златы, листы — тогдашнай в. тогдашней для риомы страшной — и набравъ шаковыхъ замѣчаній десятковъ десятокъ другой, вздумалъ на смѣшками порочишъ весь трудной переводъ сего почтенаго мужа, испинную благодарность за свое усиліе заслужившаго? Находишь погрѣшности въ сочиненіяхъ или переводахъ конечно легче (*), нежели сочинять или переводить, и охота къ сужденію трудовъ чуждыхъ была всегда пищею мѣлкихъ умовъ (**). Умные не для самолюбія, но для пользы наукъ и общества трудящіеся, чпушъ сопрудниковъ товарищами, и

Т спа-

(*) Однако жь не всякой можешъ находишь ихъ; для сего надобно имѣть вкусъ и знанія. — К.

(**) Лессингъ, Мендельсонъ, судили книги; но можно ли назвать ихъ мѣлкими умами? — К.

стараются ихъ погрѣшности исправлять или сообщеніемъ своихъ примѣчаній въ письмахъ, или въ сочиненіяхъ печатныхъ, о которыхъ они увѣрены, что будутъ въ рукахъ того, чьего они желають исправленія, или съ кѣмъ въ недоумѣніяхъ объяснились хотятъ; и все сїе дѣлаютъ съ наблюденіемъ учтивости, и не скрывая своего имени. Не можетъ быть хорошее расположение сердца у того, кто бранитъ (*) и прячется; дѣло рѣшилъ, но въ подписи имя свое скрываетъ (**). Праведный и безпристрастный судія говоритъ громко и не кроетъ себѣ отъ подсудимаго. — Теперь слово о

со-

(*) Это слишкомъ сильно сказано. Мне кажется, что въ рецензіи нѣшь браны. Справедливы ли или нѣшь замѣчанія Реценсента, но онъ касающіяся только до книги, а не до особы Господина Переводчика. — К.

(**) Зная лично Г. Реценсента, я увѣренъ, что онъ не побоится сказать своего имени — и если угодно Господину Переводчику, то онъ можетъ узнать свое ошибки Издатель Журнала. — К.

содержании реценсии на Палефатовы сказания въ языкѣ Россійскомъ. I. Мнимый судія не сомнѣвающійся, что Переводчикъ человѣкъ ученый. Переводчикъ о его сомнѣніи не заботится. Публика мнѣнія его не спрашивала, и одинъ судію быть не можетъ. *Одинъ и у каші не спорѣтъ*, говорить Россійская пословица. По описанію Санктпетербургской Губерніи мнимый судія доскоинствъ Переводчика знать не можетъ, поелику оно извѣстно нѣкоторымъ власпамъ (*а не публикѣ*) по рукописи; и тишеніе онаго зависитъ отъ воли вышней власпи. — Предувѣдомленіе къ Палефатовымъ сказаніямъ ничего не доказываетъ, развѣ огорчило (безъ всякаго Переводчика намѣренія) Господина Реденсента. — II. Палефатовы сказания известны совсѣхъ потти Университетахъ, Гимназіяхъ и проч. Впервыхъ надобно разумѣть Г. мнимаго судію, что на Россійскомъ языкѣ ихъ доселъ ни гдѣ не было, слѣдственно предложеніе съ Греческаго было не излишнее, если

не нужное; и съ сей стороны толь
повсемѣшная извѣстность сей книги
исчезнетъ. Вовторыхъ, пишущій се
и можетъ быть не меныше Г. Реден-
сенса Университеты и Гимназіи зна-
ющій, вѣдаєтъ, что Палефатовы сказанія
рѣдко въ которомъ Университетъ,
жольми паче въ Гимназіяхъ, преподают-
ся; и такъ съ сей стороны примѣча-
ніе Г. судіи несправедливо, да и къ
сужденію Россійскаго перевода не ну-
жно. — III. Мнимъ онъ, что Палефатъ
и самъ выводитъ не лѣпья басни,
шолкуя оныя: нѣсколько учтивѣе Г.
судіи Переводчикъ предварилъ о семъ
чипашелей въ примѣчаніи ко вступле-
нію; слѣдствено повтореніе было не
нужно, развѣ хотѣлось сказать тоже
другими словами, или умножить право
своего судейскаго званія. — IV. Пере-
водчика назвалъ Реденсенъ, сп. 141.
и Авторомъ съ досадою: но не его
дѣло признать его таковымъ или отвер-
гнуть признаніе другихъ. — V. Нраво-
ученіе, къ гл. З. присовокупленное, зо-
местъ онъ прекраснымъ, какъ по связи

и образу писанія его видно, съ на-
смѣшкою: здѣсь онъ ошибся, когда
прочтепъ претпью главу о Актеонѣ
и о ласкательствѣ собакъ а въ при-
мѣчаніи первомъ о любопытствѣ его
видѣть Діану нагую, о хвастовствѣ,
что онъ лучшій ловчій нежели сїя бо-
гиня, и о любви его къ Селенѣ, любо-
вницѣ Юпитера. — VI. Для чего Пере-
водчикъ не умножилъ своихъ примѣча-
ній на спр. 10 о Гіэнѣ? судія самъ
стр. 145 отвѣталъ на то. — VII. На-
шедъ опечатку на спр. 11 въ сло-
вахъ по любви ко брату (въ рукопи-
си было: *Аріадна по любви къ Озезею,*
убийцѣ брата, высвободила, и пр. на-
борщикъ сїе пропустилъ) мыслишъ
торжествовать. Но всякъ благораз-
умный найдетъ заблужденіе судїи, ко-
гда прочтепъ на спр. 10. что *Озей*
лишилъ *Минотавра* жизни; слѣдствен-
но можетъ Переводчику столько ока-
зать довѣренности, что онъ въ сей
бездѣлицѣ не ошибшися и, противорѣ-
ча, мерзаго не позволивъ выводить по-

средствомъ клубка. — VIII. Не совсѣмъ справедливо кажется Г. Реденсеншу и то, что Переводчикъ толкованіе о Горгонахъ Палефатово предпочитаетъ прочимъ, называя новое догадками: на сїе и сказать нечего — конечно вѣтъ толкованія суть догадки, если испинца не доказана. Новѣйшѣе, всякаго поученія достойные писали, толкующій Миѳологію превосходно; но всюду однако же видны догадки, и Переводчикъ опнцюдъ не порочишихъ. — IX. Гн. Реденсеншу не показался Переводчиковъ слогъ писанія о заключеніи Данайномъ, о вымыслѣ Пиндаровомъ, объ Io — развѣ Гн. судїя хочетъ, чтобъ писали и говорили такмо по образу его мыслей и слога? Да предпишешъ правила, и запретиши, если власпь имѣшъ, удаляться отъ оныхъ. — X. Не понравилась ему и мысль о Пандорѣ: что тутъ противнаго? да возразиши. — XI. Еспѣли Переводчикъ ошибался иногда въ нѣкоторыхъ словахъ, оправданіе его давно напечатано въ

пре-

предисловій ко описанїю жизни Государя Императора ПЕТРА Великаго спр. **XIII.** — **XII.** Думаешъ онъ, что нашелъ и грамматической мѣлочи въ род. ого вмѣсто *аго*: не извѣстно противъ кого, и которой Грамматики правила? и не правильнѣе ли *аго*? — **XIII.** Опечатки, на пр. вмѣсто и, ъ — *яблоки*, а не *яблока*, и прочія мѣлочи занимаютъ большую часть сужденія; о нихъ сказано при концѣ книги въ опечаткахъ, съ прозьбою о снисхожденіи до вѣтораго изданія, поелику Переводчикъ не имѣлъ времени строгою заниматься корректурою. — **XIV.** *Дванадцать* и пр. пишешъ Переводчикъ вездѣ, можетъ быть не правильно, но онъ изъяснишъ свои причины въ другомъ мѣстѣ. — **XV.** *Гиродотъ*, *Гизіодъ*, *Гомиръ* и пр. Сїе правописаніе основано на испинѣ; если Г. судїя не любитъ правильности, онъ же виноватъ. Именъ собственныхъ коверкать не должно: каково нравится, когда иностранные пишутъ вмѣсто *Москва* *Моску*, и пр.

и пр. и пр.? Въльно Лапинамъ Кереру переименовать Церерою, Ворея Бореемъ, или кому другому Пазифу Пазифаю. Таково сужденіе все. — XVI. Вѣтопіи Переводчикъ съ Виѳинію не смышивалъ, а сказалъ, что Вѣтопія лежитъ между Фокіею и Аттикаю; слѣдственno зналъ, гдѣ она, и знаетъ, гдѣ Виѳинія; а сказалъ, что Вѣтопію напрасно пишутъ иногда Виѳинію. — XVII. Наконецъ надобно спросить сего писавшеля редаксіи, по правиламъ ли Грамматики или по свойству Россійскаго языка въ первомъ единственнаго числа лицъ пишетъ онъ *мы*, наприм. *мы* приведемъ, *мы* сомнѣваемся, *намъ* кажется, и пр. и пр.? а тутъ видно, что *онъ* сомнѣвается, *онъ* приводитъ, *ему* кажется, и пр. Казалось бы, что надобно писать: *я*, *ми* и пр. Но можетъ быть онъ выше человѣкъ, и наравнѣ съ другими быть спыдился.

Впрочемъ жалко, что онъ зани-
маетъ сими неправильными и непо-
рядочными своими суждениями Москов-
ской Журналъ, толико удовольствія
Публикъ приносящій. Желая исправить
языкъ и изъ сочиненій и переводовъ
изгнать неисправный родъ слога,
имѣеть онъ предъ собою проспран-
ное поле; можешь написать цѣлое кри-
тическое сочиненіе, и воззвашь тѣхъ,
на коихъ направлены будущъ его
спрѣлы, ко оправданію и защищенню
своихъ правилъ, или къ повиновенію
его велѣніямъ и слѣдственno ко испра-
вленію. По надушому его сужденію
видно, что онъ себя всѣхъ умнѣе
считаетъ; что есть лучшій Россій-
скаго языка знапокъ, во всѣхъ на-
укахъ и знаніяхъ превосходнѣйшій,
и ни въ чемъ не ошибающій (*). Коль
драгоценнно узнать сго творенія и
имѣть его правила! Естѣли бы между
тѣмъ благоволилъ онъ обѣявить свое

(*) Я не знаю, изъ какого мѣста рецензіи
можно вывести такое заключеніе. — К.

имя и фамилию, легко бы можно было тогда изъяснишь, что подвигло его къ реденсіи на Палефаша, и что за причина разлишія его желчи (*). Теперь, поелику онъ себя оставилъ неизвѣстнымъ, и ищущій сіе, скрывая себя отъ него, поспавляетъ по его приыѣру токмо двѣ буквы. О. Т.

XIV.

(*) Эшо опять слишкомъ слънно сказано, и я увѣренъ, что Реценсентъ никакъ не думалъ сдѣлашь зла Господину Переводчику. — К.

XIV.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Ополучка моя изъ Москвы была причиною того , что Февраль мѣсяцъ Журнала не выходилъ такъ долго. Надѣясь на благосклонность Читателей , думаю , что они простятъ мнѣ сіе замедленіе. Должность Журналиста принуждена была уступить должности человѣка и родственника.

Переводъ изъ *le Voyageur sentimental, Пизимахъ и Платъ сына* будутъ напечатаны въ слѣдующихъ мѣсяцахъ. Я благодарю тѣхъ Особъ , которыя прислали мнѣ сіи піесы.

ОШИБКИ ВЪ ПЕЧАТИ.

Стрн.	Стр.	Напечатано	Чит.
159	1	жиль, умѣла	жиль умѣла
160	10	ужесть	ужасть
171	5	брось ихъ.	брось ихъ,
195	8	вами	- вамъ
206	16	однакожъ.	однакожъ,
214	13	на кухнѣ	въ кухнѣ
233	1	негодли	- негодли.

Имена Особъ, благоволив.
шихъ подписаться на Московской
Журналъ, будуть напечатаны
съ послѣдней книжкъ сей части.

Подписка на сей Журналъ при-
нимается здѣсь въ Москвѣ въ Уни-
верситетской книжной лавкѣ на
Тверской, а въ другихъ городахъ
въ Почтѣ-Ампахѣ. Весь годъ она-
го стоитъ въ Москвѣ пять руб.
а съ пересылкою семь. Кому же
угодно будетъ изъ другихъ горо-
довъ послать деньги прямо въ лав-
ку, того просимъ Издатель сооб-
щить при томъ свой адресъ, и въ
шакомъ случаѣ ручается за вѣрное
доставленіе Журнала.
